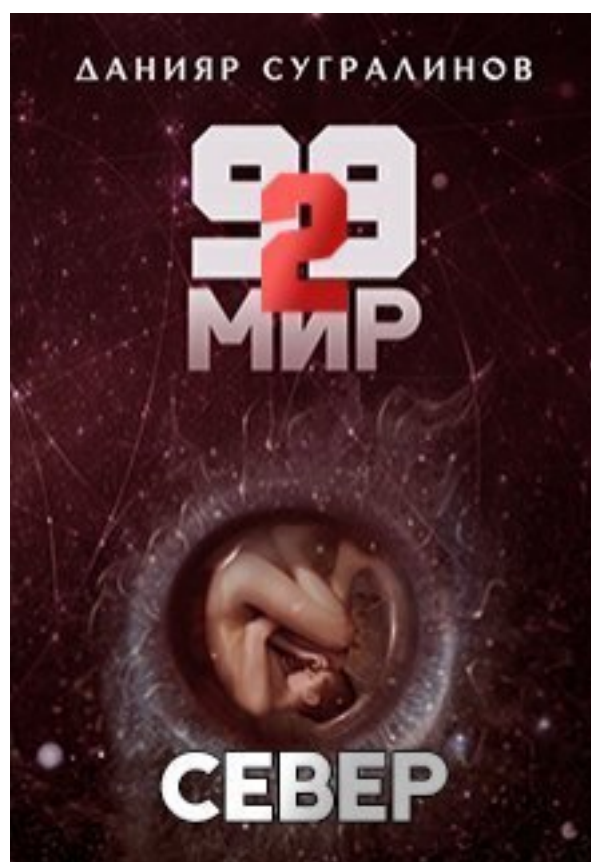

ДАНИЯР СУГРАЛИНОВ

99 2 МИР

СЕВЕР

99 мир

Данияр Сугралинов

99 мир – 2. Север

«Литнет»

Сугралинов Д. С.

99 мир – 2. Север / Д. С. Сугралинов — «Литнет», — (99 мир)

Преданный и оставленный умирать в радиоактивных Пустошах Лука выжил. Выжил благодаря метаморфизму, способности преобразовывать тело, дарованной ему Колесом. Он больше не император Маджуро Четвертый, как и не подросток Лука. Он странник, которому предстоит сделать выбор: начать новую жизнь или бороться за свое место в родном мире — вернуть трон и попытаться изменить жизнь Империи к лучшему.

© Сугралинов Д. С.

© Литнет

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Мутанты	7
Глава 2. Верховоды	13
Глава 3. Рециний Освободитель	20
Глава 4. Да пожрет тебя глубинный червь!	24
Глава 5. Демоны Двурогого	32
Глава 6. Мертвый Глаз	43
Глава 7. Герой Рванины	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

99 мир – 2. Север

Автор: Данияр Сугралинов

Пролог

Кто я?

Лука Децисиму, Маджуро Четвертый, Эск'Онегут.

Меня звали Лука Децисиму. Я родился калекой, прикованным к инвалидной коляске, надо мной потешались соседские мальчишки, и все, чего я хотел, – научиться ходить и помогать маме, которая работала прачкой.

Пока однажды на улице меня не окружили обидчики и не начали закидывать камнями. Булыжник попал мне в голову, в результате чего я упал и... умер.

Меня звали Эск'Онегут, я был межмировым странником, проживающим девяносто восьмую жизнь в теле российского студента. Чем выше баланс очков Тсоуи, положительно влияющих на гармонию во вселенной, тем больше возможностей у странника. Утомленный чередой перерождений и тысячелетним опытом, я жил как придется. Как итог – отрицательный баланс очков Тсоуи. Студент-я погиб под колесами автомобиля, и меня перебросило в новое тело...

Оно принадлежало парализованному подростку Луке Децисиму, который вдруг поднялся и избил своих обидчиков. Теперь в этом теле стеснились две души: межмирового странника и семнадцатилетнего юноши. Второй благодаря первому исцелился и встал на ноги, а межмировой путешественник выяснил, что это его последняя жизнь и больше перерождений не будет. Тогда он слил свой опыт с сознанием мальчика. Так появился я, новый странник Лука'Онегут: неопытный юноша с доступом к знаниям, копившимся тысячелетиями.

Странникам доступна уникальная способность – вращение Колеса. При этом можно обрести уникальный талант или погибнуть, а если выпадет белый сектор – просто сгорят очки Тсоуи. Мне повезло: я обрел уникальный талант, метаморфизм, способность менять тело.

И моя жизнь завертелась: радость от возможности ходить, счастливая мама... Наконец-то я смогу ей помогать и освобожу свою непутевую сестру из тюрьмы, куда ее посадили за кражу яблока! Так я думал. Но этим радужным планам не суждено было осуществиться.

Меня упекли в тюрьму за избиевание сына трактирщика. К тому моменту я не ел уже несколько дней и был истощен. Там я встретил чернокожего человека по имени Терант, который как-то наполнил меня силой и энергией. К тому же странный заключенный рассказал, что Империя не центр мира, а резервация для генетических отбросов. Большим миром правит Первая семья – генетически совершенный род Ра'Та'Кантов с королевой Тайрой во главе. Ступенью ниже стоят раканты, поделившие между собой весь мир. Что касается Империи, ее жителей в большом мире презрительно называют съярами.

Состоялся суд. Мама не смогла выплатить виру, и меня в двадцатипятилетнее рабство выкупил целитель Нестор Ядугара. У его старшего ученика Пенанта я выяснил, что Ядугаре больше двух сотен лет, а жизнь он поддерживает за счет процедуры перелива.

Целитель решил забрать мою молодость. Это у него не получилось, потому что сперва воспротивился метаморфизм и чуть не убил Ядугару, а потом, по запросу императорского лекаря Ленца, меня увезли во дворец, чтобы омолодить самого Маджуро Четвертого. Как оказалось, людей, совместимых с процедурой перелива, крайне мало, несколько на поколение, потому что за каждым донором выстраивается очередь из аристократов, и первый в ней всегда император.

Незадолго до этого метаморфизм достиг второго уровня. Во время перелива он убил и скопировал тело императора. Так я стал Маджуро Четвертым, вырвал сестру из лап Ядугары и переселил их с мамой во дворец.

Любые женщины Империи, лучшая еда – все стало мне доступно. Но оказалось, Маджуро был худшим императором за всю историю государства, за что его неоднократно пытались убить. В народе за нерешительность, трусливость и нежелание сделать хоть что-то для Империи его прозвали Кислым. И все больше людей становилось под знамена моего кузена Рециния, решившего организовать переворот.

Едва я стал императором, меня дважды за утро пытались отравить. Сначала императорский лекарь Ленц в сговоре с первым советником Наутом, потом первая фаворитка Кейриния.

Но метаморфизм нейтрализовал яды, а я сделал союзниками бывших врагов, и вместе мы начали реформировать Империю, чтобы хоть как-то облегчить жизнь ее подданных, а это было непросто: страну разрывали бандитские группировки и претендующий на трон Рециний. Мутанты из северных Пустошей совершали набеги. Народ в стране умирал пачками – от болезней, голода и нищеты.

Одного за другим я устранил внешних врагов, осталось решить вопрос с Рецинием и договориться с ярлами о союзе.

Но главный враг притаился внутри: семья Кросс, Гердиния и Антоний. Кроссы – раканты, они следили за порядком в Империи, хранили тайну большого мира и собирали дань в виде природных ресурсов.

Колесо подбросило мне красный сектор, обычно приносящий всяческие болезни и проклятия. Я был заражен странным вирусом сексуального магнетизма, из-за чего все женщины сходили с ума, желая обладать мной. Метаморфизму удалось нейтрализовать вирус, но благодаря ему я влюбил в себя Гердинию Кросс.

Антония я уговорил отсрочить выем денег из опустевшей казны, а сам с Гердинией и своей сестрой Корой в сопровождении отряда стражников отправился на Север – договариваться с ярлами о союзе.

Нам устроили теплый прием. А ночью напали – стражников перебили, меня лишили подвижности с помощью непонятного прибора, попытались умертвить и выбросили в радиоактивные Пустоши, посчитав, что я мертв. Я и был мертв и только благодаря метаморфизму воскрес.

Там я и очнулся – чуть живой, обескровленный, лишенный рук и ног, с отрицательным балансом очков Тсоуи. Мое тело нашли рейдеры, мутанты Пустошей. Кто-то из них хотел меня съесть, но лидер решил, что меня надо отнести в Убежище, крупнейшее поселение мутантов.

Я не знаю, что с сестрой и мамой, не знаю, что в Империи – мне предстоит как-то выжить, вернуть себе власть и помочь тем, кто мне доверился...

Глава 1. Мутанты

Лука'Онегут, межмировой вселенский странник в своей первой жизни, пришел в себя. Тело его было тяжелым, мысли – неповоротливыми, язык пересох и казался шершавым. Мир вздрагивал и колебался, как если бы Лука ехал верхом. Он заставил себя разлепить веки и на миг ослеп от огненного солнца, которое светило прямо в лицо.

– Он весит как гора! Он че, камней нажрался? – проговорили совсем рядом надтреснутым стариковским голосом.

– Привал! – скомандовали в ответ зычным басом, и, сообразив, что кто-то его куда-то несет, Лука зажмурился, чтобы не выдать своего пробуждения.

Его не плавно положили, а брезгливо бросили наземь так, что голова от удара повернулась набок, глаз он не открыл, но прикинул, что теперь удобнее рассматривать тех, кто его тащил, и жгучее пустынное солнце не слепило глаза, а грело затылок. До слуха донесся шорох одежды, оханье, кто-то с кем-то вяло переругивался, остро ощущалось, что эти люди устали.

Лука решил пока не показывать, что очнулся. Сперва надо послушать, о чем тут говорят, понаблюдать украдкой, а заодно подумать, что делать дальше.

Сколько времени прошло с той злополучной ночи? Две недели точно – столько было нужно метаморфизму, чтобы адаптировать тело к новым условиям. А до того?

Что случилось с Корой, жива ли она? Варианта два: мертва либо продана в рабство – и неизвестно, что хуже, учитывая, какая участь ожидает пленных девушек.

Следующим из-за завесы кошмара выплыл образ Гердинии, приготовившейся обороняться: раскрасневшаяся, с разметавшимися волосами... Только сейчас Лука понял, как привязался к той, которой уже нет в живых. Или северяне не посмели убить раканта, жену четвертого советника Кросса? Вряд ли что-то могло их остановить, ведь здесь не знали о существовании ракантов.

Что в Столице и как там мама? Успел ли Рециний занять трон или Хастиг героически обороняется, сдерживая вражеские орды? Очень хотелось верить, что маме ничего не угрожает.

А остальным? Перед глазами пронеслась вереница лиц тех, кто ему поверил: Ленц, командир дворцовой стражи Гектор, генерал Хастиг, рейк Венсиро. А еще Куница, бывший главарь преступной банды, ставший помощником Маджуро и женихом Коры.

Нужно узнать, что произошло, и лишь потом строить планы. Приоткрыв глаза, Лука увидел нависающий над ним тощий зад в обносах, закрывающий обзор, на штанах в области копчика имелся разрез, откуда торчал длинный, как третья нога, тонкий розовато-серый хвост с пучком рыжих волос, заплетенных в три косички. Лука сморгнул, но непонятный отросток не исчез.

– Слышь, Гекко, – проскрипел хвостовладелец. – Ну его к Двурогому! Не дотащим же. Давай сожрем, никто не узнает.

Говорящий посторонился, и взору Луки открылись все участники действия. Подбоченясь и опершись на огромную дубину, надо всеми возвышался двухголовый человек. Фигура его была треугольной, вверху тело словно ломалось, как дерево, ударенное молнией в середину. Правая голова была косматой и небритой, а левая – лысой, лицо покрывала недельная щетина. Судя по грозным взглядам обеих, это был вожак.

А вокруг... Лука еще раз сморгнул, но уроды никуда не делись, и он понял, что его подобрали мутанты. Всего он насчитал десятерых, и все они расположились полукругом, чтобы подкрепиться. Выглядели существа так, словно вышли прямиком из кошмаров, но были еще ничего в сравнении с теми, что обстреляли их движущийся на Север отряд. Казалось, только вчера они направлялись к замку ярла Расмуса, а теперь Лука почему-то здесь...

– А ну заткнуться, доходяги! – рявкнул вожак. – Если он ценный, нам за него еды на год вперед отвалят. Вот ты, Щур, уверен, что он не Избранный?

– Так еще три дня тащиться. К Убежищу-то, – проблеял мутант с вытянутым крысopodobным лицом, поросшим бурой шерстью. – Да и не похож он на Избранного. Такого шаманы отправят прямиком на бойню и, дай Двурогий, отвалят нам за него горсть мяса.

На середину поляны вышел бочкообразный коротконогий карлик без шеи, с головой, сразу переходящей в грудь. Рта у создания не было, один глаз находился где и положено, а второй, затянутый бельмом, – возле уха. Уродец плюхнулся на зад, взметнув облако пыли, завопил в котомке и достал что-то съестное. Его замусоленная рубашка раздвинулась на животе, и оттуда высунулся язык, слизнул еду с руки, в брюхе уродца зачавкало и забулькало. Луку затошнило.

Ошарашенный, он не заметил, что разглядывает мутантов не таясь, и это не ускользнуло от внимания крысомордого. Он вскочил и указал на Луку пальцем с кривым изогнутым когтем:

– Гляньте, очухался! Теперь на своих двоих пойдешь! – Он ударил кулаком о ладонь, ощерившись.

Мутанты поднялись и окружили Луку, который, как теперь стало понятно, лежал на самодельных носилках.

– Назовись! – требовательно пророкотала лысая голова вожака.

– Как в Пустоши попал? – дополнила лохматая.

Лука смерил взглядом мутанта: локтей семь в нем точно есть. Захотел солгать, что ничего не помнит, но у него так пересохло в горле, что оставалось лишь покачать головой. Остальные мутанты потеряли к нему интерес и расселись трапезничать.

– Как от проклятия Двурогого кони не двинул? У ты че, иммунка есть? Ну?! – настаивала лысая башка.

К ней повернулась лохматая:

– Да он еле живой. Совсем загнется, ему надо воды!

– Скопытятся – сожрем, – брюхом пробулькал бочкообразный.

Головы глянули на него и воскликнули в унисон:

– Глохни, Зэ!

Над Лукой возник крысомордый Щур, втянул воздух вполне человеческими ноздрями.

– А он точно из наших? Какой-то он... нормальный.

– Норм бы окочурился, – сказала лохматая голова. – Ты на кожу его глянь. Блестит, как железная. Ни язв, ни волдырей... Точно с иммункой! Из глаз даже гной не течет... – Он поднес флягу к губам Луки. – пей. Хороший бульон, питательный, от себя отрываю.

– И от меня тоже! – поддакнула лысая.

– Вестимо, от всех от нас, – проскрипел Щур, завертел головой, словно украл что-то.

Фляга коснулась губ. Бульон отдавал затхлым, но никогда в жизни Лука не пил ничего более вкусного. Влага смачивала пересохшее горло и мгновенно усваивалась метаморфизмом, Лука оживал.

– Спасибо, – прохрипел он и сел.

– Ох ты ж, соловьем залился! – потер лапки Щур. – Кто такой, а?

Лука пытался сообразить, как объяснить свое появление в Пустоши. Потеря памяти не годилась – ему нужно было расспросить мутантов о том, как обстоят дела в столице, наверняка отголоски слухов до них докатывались. Он еще раз взглянул на мутантов, и его осенило! И врать почти не придется!

– Так каким ветром тебя сюда занесло? – настаивал двухголовый Гекко.

– А куда вы меня тащите? И зачем?

– В Убежище. Шаманам покажем, это приказ. Вдруг ты супер? Ты супер?

Лука покачал головой. Он вспомнил, что о мутантах говорил капитан Тарсон: в Убежище их шаманы отбирают лучших и скрещивают, создавая таким образом линию прирожденных мутантов. Супермутантов. Вроде бы все Пустоши тем и живут – копят силы, отбирают суперов, чтобы под знаменами Двурогого армия мутантов захватила весь мир. То есть Империю.

Так что новости хорошие: в рабство продавать его не собираются, отправляют в суп или на жаркое – тоже. Можно немного набраться сил и сбежать на Север – выяснять, что с Корой. А там без радиации, сжигающей всю энергию Колеса, метаморфизм будет работать лучше. Вот только что делать с отрицательным балансом очков Тсоуи?

– Нет, Гекко... – задумчиво пробулькала Зэ, мутант со ртом на животе. – Все знают, что суперы руками крушат скалы и сворачивают шею пустынному варану! А этот – заморыш! Мог бы, сбежал бы давно.

– Жри своих тараканов и не лезь не в свое дело! – взбеленилась лысая голова Гекко. Лохматая обратилась к Луке: – А ты чего не отвечаешь? Давай выкладывай! А то скормлю Зэ, он все жрет и тобой не подавится!

Говорить было тяжело, в горле першило, но Лука выдавливал из себя историю о бедном мальчишке по имени Север, которого продали в цирк, и он там остался, потому что был сильным. Заранее он не планировал называться Севером – имя погибшего отца само легло на язык.

Отобедавшие мутанты стали собираться вокруг Луки, разинув рты. Перекошенные, покрытые шерстью или чешуей, сутулые, щербатые, был даже один четырехрукий, верхняя пара нормальная, нижняя недоразвитая, как у ребенка.

Лука закашлялся, и Гекко расщедрился на еще одну флягу, поймал неодобрительный взгляд сородичей и ответил, тряхнув лохматой головой:

– Новый сварим, до воды тут недалеко.

Лука опустошил флягу и продолжил сочинять легенду о самом себе. Когда мальчик вырос, все заметили, что он очень сильный и ловкий, и его забрали во дворец охранять императора. А в Пустоши он попал, потому что Маджуро предали, перебили охрану, а его, Луку, то есть Севера, убить не так-то просто.

– Я ж говорил! – радостно воскликнул человекоящер. – А вы: «Врешь ты, Жаба!» Я Шишку встретил, так тот рассказал, что ехал какой-то богатый отряд. Он втихую за ними крался, слушал, кароч. И докумекал, что там реально император! Шишка со своими тогда договорился, чтоб не лезли, а они все равно поперли. И четверых ихних завалили.

Лука вспомнил этот момент, но промолчал. К нему обратился Щур:

– И че? У императора служил? Чем докажешь?

Лука назвал и описал Хастига, но понял, что мутанты о нем впервые слышат. Пока он говорил, крысомордый сверлил его взглядом, и возникало ощущение... Странное ощущение, словно в голове гулял холодный сквозняк.

– Мутный он, – наконец, вынес вердикт мутант. – Подсадной. Может, и из наших, но не за нас. В Убежище вынюхает то, что видеть нельзя, потом этому своему снаушничает... Новому императору. А тот, как узнает, так всем нам и крышка. Я-то чую, вы же знаете.

– Но часто ошибаешься, – проговорила косматая голова Гекко, и лысая была с ней солидарна: – Вот о чем я сейчас думаю? Ты же говоришь, что умеешь читать мысли.

Щур стушевался, шумно поскреб в затылке.

– Что я пустозвон.

– Угадал! – Обе головы оскалились.

– А еще я чую, – прокрипел Щур, – что он принесет нам беду. Нельзя его в Убежище. Кончать – и в котелок!

Лука наблюдал за ними и вспоминал слухи о мутантских шаманах, творящих чудеса, и таинственных следящих оракулах. Память Эска услужливо открыла доступ к информации, и существование магии Лука принял как данность. Есть миры, где разумные существа способны

создавать предметы «из воздуха», проходить сквозь стены, мгновенно перемещаться в пространстве. Почему бы тогда и здесь не существовать магии в зачаточном состоянии? И если крысомордый Щур действительно телепат...

– Нельзя его в Убежище. – Мутант приложил мохнатую руку к груди. – Пусть меня глубинный червь сожрет, нельзя.

– Щур просто жрать хочет, – сказал Жаба, переминающийся с ноги на ногу человеко-ящер. В отличие от Щура, хвоста у него не было, кожу просто покрывал слой блестящих чешуек. – В тот раз ему тоже что-то показалось, прикончили мы того чувака, а потом шаманы, кароч, чуть нас не перебили. От них-то ничего не утаишь.

– Шаманы решат, что с ним делать, – вынес вердикт Гекко лысой головой и рубанул ладонью по воздуху. – Я сказал! А ты, Жаба, трясогуз. Шаманов не пугаться, а уважать надо.

Человекоящер, который очень переживал из-за того, что ему не дали закончить рассказ, затараторил:

– Кароч, встречал я того Шишку и позже. Недели две вроде минуло. Но он говорил, что никто обратно не шел, другие какие-то ехали туда и назад, разодетые, с перьями. А еще он рёк, что резня была. Типа императора... Все. И после той заварухи наши купили девку для Двурогого. Я тогда не поверил, а эвона как. Может, и не лжет этот черт, – и кивнул на Луку.

Слушая его вполуха, Лука думал о своем: Маджуро сопровождали только две женщины: Гердиния и Кора. Неужели он имеет в виду Кору? Сердце сорвалось в галоп, о чем незамедлительно сообщил метаморфизм.

– Расскажи подробнее, – как можно спокойнее сказал Лука. – Про девушку. Как давно это было, что за жертва Двурогому?

Лука понимал, что прошло слишком много времени, и если жертвоприношение планировалось, то его уже провели. Вся надежда на изворотливость Кору, если она сбежала от Ядугары, может, ускользнула и от мутантов?

– Собирают самых ладных девушек и дважды в год отдают Двурогому, – объяснила лохматая голова Гекко. – Он выбирает двух лучших, остальные остаются нам.

События складывались так, что маршрут Луки совпадал с планами мутантов. Осталось спросить, скоро ли жертвоприношение, он уже открыл рот, но Жаба воскликнул:

– Тихо!

Мутанты замерли, вытянули шеи, как почуявшие хищника сурки. Лука тоже насторожился, но ничего подозрительного не услышал, тишина стояла гробовая.

– Вот ты трясогуз, – выдохнул Щур. – Так тебя мамке надо было и назвать.

– Там кто-то был! – Жаба указал на два небольших рыжих холма локтях в ста, мутанты схватили оружие: кто дубину, кто ржавый меч, кто арбалет. Гекко вынул две изогнутые сабли.

Говаривали, в Пустошах водилось всякое. Не только мутанты, но и кошмарные твари, какие отродясь не встречались на обитаемых землях. Лука вспомнил монстра, пытавшегося его сожрать, и приготовился к бою. Вот только что он может? На сколько хватит метаморфизма, да и достаточно ли ресурса для противостояния?

Зэ, бочкообразный мутант, припал ухом к земле, полежал немного и пробулькал:

– Ничего.

Он встал на четвереньки, шумно вдохнул. На всякий случай Лука приготовился активировать боевую форму. На секунду-другую ресурсов хватит.

– Ежели это пожиратели, мы их не услышим, – прошептал Жаба. – Они бесшумны как тени. И появляются как из бездны. Пикнуть не успеешь, а ты уже болтаешься, нанизанный на лапу-меч. Они не убивают жертв, жрут живьем...

– Не нагнетай, а? – попросила лохматая голова Гекко.

– Ну его козе в трещину, – поступило здравое предложение от четырехрукого мутанта. – Давайте свалим отсюда!

Гекко обратился к Луке:

– Идти сможешь?

Поднявшись, тот сделал несколько шагов и кивнул. Щур зло прищурился:

– Не вздумай сбечь. Как-то ты легко согласился с нами идти. Точно подляну готовишь, клянусь сиськами Пресвятой матери!

– С вами безопаснее, – объяснил Лука. – Это раз. Два – в Столице меня ждет виселица, ведь я служил свергнутому императору.

Аргумент подействовал, мутанты взяли свои скудные пожитки и цепью двинулись на восток. Именно там, судя по словам мутантов, находилось Убежище. И именно там Кору готовили в жертву Двурогому, если, конечно, он существует. Лука шел предпоследним, за ним топал Щур – сторожил.

– Когда жертвоприношение Двурогому? – не удержался от вопроса Лука.

– Хе-хе, тебе-то че трясогузить? Чай не баба! – сострил кто-то из впереди идущих. – На следующей полной луне. Не бойсь, мы тебя не отдадим, самим нрависься!

Мутанты захохотали, напряжение спало. Плетущийся рядом Зэ даже расщедрился на полоску вяленого тараканьего мяса. Правда, сначала не предупредил, а когда пояснил, откуда еда, Луку затошнило. Зэ расхохотался, выпуская пузыри слизи, а отсмеявшись, сказал:

– Ешь, ешь, здесь это самая что ни на есть еда. Не эхо-чинильи, конечно, но почти.

– Эхо-чинильи?

– Агась. Типа эхо-тараканов, только чинильи. Вкусные!

– «Эхо» – значит твари, отразившие эхо проклятья Двурогого, – объяснил Жаба.

– Намного здоровее тех, что в Империи, – перебил его Зэ. – Эхо-тараканы, стало быть, те прям как я, огромные.

– А ты, стало быть, эхо-человек?

– Сам ты... – обиделся Зэ. – Человек! Я нюхач! Таких, как я, один на поколение!

Солнце палило нещадно, метаморфизм предупреждал о высоком уровне радиации и едва успевал ее нейтрализовывать, потому каждый шаг давался Луке с огромным трудом, он еле поспевал за впереди идущими. Все тело было чужеродным, неповоротливым. А еще страшно тяжелым, может, от этого Лука по щиколотку проваливался в иссушенную почву Пустошей.

Первым делом он собирался найти и вылечить Кору, ведь обычному человеку не выжить в таких условиях. Потом – вернуться в столицу и... Будет видно.

Путь их лежал между похожими друг на друга холмами, поросшими рыжей травой. Постоянно казалось, что кто-то смотрит в спину, но никого, кроме группы мутантов под предводительством Гекко, в этой части Пустошей не наблюдалось. Вскоре холмы стали ниже и уступили место долине, присыпанной мелкой взрыхленной галькой.

Зэ остановился, раздвинул складки на брюхе и сказал:

– Кто-то тут был... – Он шумно втянул воздух. – Нутром чую! Кто-то большой в земле копался.

– Пустынный червь?

– В жопу Двурогого тебя, накаркаешь щас! – рявкнул Гекко.

И снова Луке вспомнился монстр из-под земли. А спереди меж тем спросили:

– Обходим?

– Гляньте! Это че, следы?

Лука посмотрел под ноги, вбок, на подножие холма и заметил, что земля исполосована бороздами, словно кто-то сек ее мечом.

– Стоять! – скомандовал Гекко.

– Пожиратели! – с ужасом прошептал Жаба.

– Оружие к...

Договорить Гекко не успел. Рыхлая почва под его ногами вздыбилась, и оттуда выстрелило гибкое тело насекомого... Или человека? В клубах поднятой пыли было не разобрать. Мутанты сперва прыснули в стороны, а потом сбились в кучу, встав спиной к спине. Сквозь песчаную взвесь Лука увидел, что возвышающаяся над Гекко тварь пробила его острой конечностью, но даже смертельно раненый двухголовый мутант не сдавался. Поднятый в воздух, он хрипел и размахивал саблями, пытаясь отсечь пронзившую его лапу.

– Пожиратели, мать вашу, нам крышка! – возопил Жаба. – Гляньте, они по дебре бегут!

Лука повернул голову, заметил два движущихся по холму силуэта, перевел взгляд на монстра, преградившего путь. Пыль осела, и теперь его можно было рассмотреть: детская пухлощекая голова с неестественно огромным ртом, туловище до пояса человеческое, а дальше – как у насекомого. Пара человеческих рук, пара – острых суставчатых конечностей, заканчивающихся зазубренными пилами, как у богомола. И три пары насекомых ног.

Заверещав, тварь пробила грудь Гекко пикой-пилой, рванула одной конечностью вверх, второй – вниз, вспарывая туловище мутанта и отбрасывая его в сторону. Пожиратель так неестественно быстро двигался, что Лука не заметил, когда именно была отрублена лысая голова Гекко. Катясь по склону и толчками выплескивая кровь, она разевала рот до тех пор, пока ее не подхватил другой пожиратель. Взрыкнув, он раззявил пасть и забросил туда вопящую черепушку. Челюсти сомкнулись не до конца, пожиратель поднапрягся – хрустнули сминаемые кости, брызнули ошметки плоти и кровь – и конвульсивно задержал шеей, заглатывая добычу.

– Оружие – к бою! – заорал Лука, выводя мутантов из ступора.

Прыгнул на первую тварь и за миг до столкновения активировал боевую форму.

Глава 2. Верховоды

Одновременно с активацией боевой формы в голове Луки вспыхнуло понимание, как действовать. Именно вспыхнуло – за долю секунды его сознание впитало особенности строения насекомых из базы метаморфизма. Видимо, тот подсобрал данных о местной фауне, пока Лука валялся на грани смерти.

Убивать пожирателей сложно, потому что, в отличие от животных или людей, у них нет органа, поражение которого приводило бы к мгновенной смерти. Мозг заменяли нервные пучки (*ганглии*, всплыло из наследия Эск'Онегута), и даже с отсеченной головой тело продолжало функционировать. Потому важнее всего было лишить тело подвижности, ведь пожиратель – по большей части насекомое.

Лука использовал проверенную тактику: выстрелил из обеих рук тончайшими мономолекулярными нитями. Одна обвила голову монстра, вторая – нижние конечности. Лука дернул нити, ушел перекатом от вонзившейся в землю лапы-пилы, накинул еще петлю на голову второго пожирателя, другую на его руки-пилы, дернул...

И ресурс Колеса иссяк, второй пожиратель смазался, раздвоился, Лука даже не видел, успели ли нити срезать его башку – время будто замедлилось. И только когда с туловищ начали соскальзывать головы, более-менее успокоился и пополз прочь. Непривычно тяжелое тело плохо слушалось, а земля проседала под его весом. Перекаты, исполненные секундой ранее, со стороны, наверное, смотрелись так же изящно, как маневры железного бочонка...

Отрезанная голова пожирателя, проходящая на кукольную, скатившись с пригорка, развала зубастую пасть в безмолвном крике, корчила рожи и вращала глазами.

– Верховода убили! – надрывался кто-то позади истеричным голосом.

Но выдохнул Лука рано: первый пожиратель с обрубленными лапами не лишился главного своего оружия – острых пил на верхних конечностях. Бедро пронзила боль – лапа-пила пригвоздила его к земле. «Как?» – вспыхнуло удивление, ведь кожный покров был усилен!

Зафиксированы рассечения кожного покрова...

Зафиксированы рассечения мышечной ткани...

Фиксируется значительная потеря крови...

Активация режима усиления!

Обнаружены доступные материалы: азотсодержащие полисахариды 96%, тантал 2%, бериллий 1,2%, углерод 0,77%...

Поглощение... неуспешно! Недостаточно неорганических энергетических резервов!

Если бы не иридиевый скелет, кость раздробило бы! Лука лихорадочно думал, одновременно фокусируясь на шкале энергии Колеса, но та застыла на отметке в ноль процентов.

Тем временем пожиратель, взрыхляя землю, вслепую лупил вокруг лапой-пилой, порываясь ползти на обрезанных ногах, из которых хлестала оранжевая гемолимфа. В местах, где падали капли, появлялся бурый дымок.

Лука пытался сфокусировать взгляд, но не мог; чтобы освободиться, ему тоже не хватало сил, оставалось только ждать: либо пожиратель издохнет, либо все-таки проткнет его, и первая жизнь Луки'Онегута закончится так бесславно.

Впрочем, на сильные эмоции тоже не хватало энергии, потому он не особо удивился, затуманивающимся зрением подметив, как четырехрукий мутант, держа в каждой верхней ладони по тесаку, а нижними сжимая длинные тонкие копы, отрубил лапу, проткнувшую Луку, поднял его и поволок прочь.

– Терпи, Север, – приговаривал четырехрукий, и его голос убаюкивал. – В Очаге выжил и тут выживешь...

Гаснущим сознанием Лука уловил, что остальные мутанты навалились толпой на единственного целого пожирателя и оттеснили его к склону холма.

Очнулся он на носилках в тени изъеденных коррозией валунов точно не в той долине, где кипел бой. Метаморфизм сигнализировал, что для заживления раны недостаточно органических материалов. «Пожрать бы», – перевел Лука мудреный язык Колеса.

Он согнул ногу, чтобы оценить масштаб повреждений, но рваную рану на бедре залепляла бурая клякса – природный антисептик растительного происхождения, который метаморфизм настойчиво рекомендовал пустить в дело. Лука пока дал отбой. Мутанты старались, и Двурогий знает, где и как они добывали лекарство для его раны. Просто поглотить его – всполошить мутантов и приумножить странности. Вряд ли его расправа над пожирателями осталась незамеченной.

Мутантов выжило семеро. Как погиб Гекко, Лука помнил, двух других, видимо, убил третий пожиратель, а четырехрукий спаситель лежал на пять локтей левее, подставляя рваную рану на боку хлопочущему над ним чешуйчатому Жабе.

– Ща, ща, Йогоро. Ты это, терпи, кароч, пекти будет, – сказал Жаба и поднес флягу к ране. – Печь-жечь то бишь...

– Давай уже, – прохрипел четырехрукий Йогоро, сунул в рот палку, зажмурился и стиснул зубы.

– Ядреный самогон, крепкий, сам гнал! – хвастался Жаба, поливая рану.

От этих слов Йогоро выпустил из зубов палку, скривился и закатил глаза:

– Даже знать не хочу, как ты его гнал и из чего!

После чего стиснул палку зубами и зарычал. Щур стоял над ними, уперев руки в бока и помахивая хвостом из стороны в сторону. Раненый закашлялся и схватился за живот.

Лука попытался дотянуться до своего спасителя, чтобы исцелить, но резервы Колеса были исчерпаны. Удалось лишь определить, что дела Йогоро плохи.

Из оживленной беседы выживших, взбудораженных смертью товарищей и собственным спасением, Лука вычленил имена. Знакомые ему бочонок-нюхач Зэ, крысомордый Щур, чешуйчатый Жаба. Тот, что весь покрыт шерстью, лохматый, как медведь, – Фург. Кособокий Скю напоминал восковую куклу, которую забыли на солнце, она начала плавиться, деформировалась и растеклась, а потом застыла: лицо складчатое, правая половина как зарубцевавшийся ожог, рука короткая и толстая, левая свисает аж до земли, тощая, будто птичья, одна нога более-менее нормальная, вторая в два раза длиннее и коленкой назад, как у кузнечика. Имя седьмого мутанта пока не называли, а сам он по большей части молчал. Лука прозвал его про себя Тряпка, потому что очень тощий морщинистый мутант был замотан в тряпье с головы до ног.

Щур сунул палец в рану Йогоро и, не обращая внимания на последовавшие вопли, попробовал окровавленный перст на вкус и вынес диагноз:

– Ребро порезано. К шаманам его надо, а то помрет.

– Не дотащим, – не согласился Жаба.

– И то верно, – развел руками Щур. – Как ни крути, сегодня, Йогоро, у тебя встреча с Двурогим!

– Не каркай, гнида, – выплевывая кровь, простонал четырехрукий.

– И че поперся к пожирателю? – проворчал Щур. – Дался тебе тот чужак.

– Да он нас спас! – возразил Жаба и, подняв когтистый палец, сказал: – Если б Йо не выволок его, это сделал бы я. Не по чести своих бросать, кароч! Первый закон!

– Своих! – возразил Щур. – А Север не пойми кто и откуда. Брешет как дышит, поди разбери. Мутный он! И в Очаг не сам пришел! Забросили!

– Не свисти, сказки то все шаманские! – взъярился Жаба и с сарказмом повторил: – Забросили! Ага, вскормленный молоком Пресвятой матери Тайры, Крушитель мутов и Истребитель Пустошей, конечно!

– А ты понял, как он их покروшил? – оживился Скую, жутко перекошенный мутант. – Я ничего не вкурил. Р-раз – и рассыпался пожиратель. Мож, этот вот и в натуре того... Нужный, в общем. Избранный!

– Ну, итить-колотить, началось! – взвыл Щур. – Не взломали еще ту щель, откуда вылезет Избранный! Сказки это!

– Сказки? – прищурившись, переспросил Скую. – А твой Истребитель Пустошей не сказки, что ли?

Сплюнув, он поднялся и заковылял к лохматому Фургу, который, матерясь, что-то раздывал тесаком за камнем. Ему помогал Тряпка.

– И я не понял, – пробулькал Зэ щелью на животе. – Хоть рядом и валялся. Но ваще не просек. Я ваще не зрел, чтоб так кто-то мог. Даже суперы не могут!

– Типа ты суперов в бою видел, – окрылся Щур, поскреб мохнатый нос и покосился на Луку. – В натуре говорю, беду он нам принесет. Север этот...

Йогоро выплюнул деревяшку и сказал:

– Пока от Севера только польза. И поболее, чем от тебя, так что заткнись.

Жаба что-то достал из своей котомки, кривясь, прожевал, растолок мякиш в руке и принялся замазывать рану четырехрукого.

– Во-во, Йогоро дело говорит.

Щур дождался, пока тот закончит, и сказал:

– Гекко отправился на порог к Двурогому. И кто у нас теперь верховодит?

– Да хоть Зэ, а тебе червий потрох в пасть, а не верховодство! – воскликнул Жаба.

– Чего это? По чести главным должен быть самый сильный.

– Йогоро самый сильный, – проговорил Скую. Он приковылял к валяющемуся на земле раненому, протянул ему кусок белого мяса, и тот сразу же вгрызся в него зубами. – Я самый умный, и че? После Йогоро самый сильный Жаба, но он припадочный, ему нельзя верховодить.

– Йо ранен и слаб, – проговорил Щур вкрадчиво.

– Стервятник ты недобитый, Щур! – бросил четырехрукий. – Трупный червь!

Раздывавший что-то съестное шерстистый Фург передал нож Тряпке, который принялся раскладывать куски на противень, а сам поднялся, подошел к Щуру, толкнул его в грудь.

– Вызываю тебя в Круг, – он плюнул себе под ноги. – Столько вместе Пустоши топчем, а ты...

– Ты с дебри рухнул, Фург! – изумился Щур. – Про тебя вообще речи не было!

Лука, о котором мутанты на время забыли, наблюдал за ними молча. Получается, лидерство в группе достается самому сильному. Если бы он мог активировать боевую форму, то разделался бы с обоими в два счета, но энергии Колеса было чертовски мало, и Лука рассудил, что правильнее сначала заживить рану, потом восстановить энергию и разобраться со Щуром. Если победит Фург, вопрос снимется, а силы лучше придержать – вдруг придется отбиваться от монстра, ведь тут водится всякое. Но для начала следует найти что-нибудь белковое.

Тем временем Щур сбросил серую рубаху на землю, сжал кулаки и набычился. Фург стоял не напрягаясь – эдакий медведь, только шерсть длиннее и не бурая, а черная с прядями седины. «Ну и жарко ему, наверное!» – подумал Лука.

Кособокий Скую сел рядом с валяющимся четырехруким Йогоро. Сплюнув, обменялся с сидящим рядом Жабой взглядами и проговорил:

– Надери ему зад, Фург!

– Кароч, Фург, мы за тебя! – поддержал Жаба, а потом обратился ко всем со здоровым предложением: – Мож, того? Просто назначим его, а? Кто за то, чтобы Фурга в верховоды?

– Не по чести, – мотнул головой Щур. – Верховодов так не выбирают, ящер! Пустошами правят сильные, тля, а не сиромахи всякие!

Все еще безымянный для Луки мутант, замотанный в выцветшее тряпье, оставил мясо и подошел к остальным.

– Щур прав! – важно объявил Тряпка. – Жить надо по чести, братья. Да победит сильнейший!

Зэ повертелся из стороны в сторону, как взволнованный бочонок, и, пока остальные были заняты, засеменял к камню, где жарился на солнце противень со съестным, зачавкал, забулькал там и так увлекся, что с грохотом перевернул поддон.

Все повернули головы. Тряпка выматерился, приплетая к ругательству интимные части Пресвятой матери и главный боевой орган Двурогого. Скую снова сплюнул и засеменял к камню, на ходу приговаривая:

– Хватит жрать, Зэ! Истинно клянусь, мужики, мне с ним страшно, глядишь, и нас когда-нить сожрет!

– Скую, я ниче, – прошамкал выбегающий из укрытия Зэ, на ходу запикивающий кусок в ротовую щель. – У меня ж алчба. Ты ж знаешь, я копыта откину, если не буду жрать, проклятие Двурогого выжигает во мне все силы...

Мутанты, да и Лука, отвлеклись от разборок и повернулись, ожидая представления, желая полюбоваться, как перекошенный Скую будет гонять нашкодившего Зэ, и не заметили, что к ним из-за валунов, в тени которых лежал Лука, приблизился здоровенный мутант.

Незванный пришелец передвигался как тассурийская горилла: опирался на непропорционально огромные руки с бугрящимися мышцами, помогая себе короткими кривыми ножками. Уши, истыканные разнокалиберными серьгами, на фоне маленького скошенного черепа казались гигантскими. Безволосые брови были украшены звеньями цепи, в нос здоровяк вставил кость.

Знакомые мутанты уставились на него. В возникшей тишине было слышно только чавканье Зэ, но и оно заглохло, когда, ничего не говоря, здоровяк обрушился на Щура – ударил в лицо и вмял его в череп. Следом, никто не успел и глазом моргнуть, кулаком-кувалдой долбанул Фурга, тот отлетел на пару локтей и не встал.

– Вопросы? Нет вопросов, – прорычал пришелец. – Я сильнейший. Крэгом кличут! Я теперь ваш верховод! Кто-то против?

Он окинул взглядом своих новых подчиненных и проорал в сторону:

– Тащите телегу! Шевелитесь! – И зачем-то несколько раз с остервенением пнул раненого Йогоро в живот.

Вдалеке закрипели колеса, донеслось кряхтение, и четыре подчиняющихся Крэгу мутанта прикатали телегу с деревянными колесами, перегруженную и накрытую брезентом. Те, что были впряжены спереди, оперлись на дышло, толкавшие телегу сзади упали.

– Впряглись и поперли! – взревел здоровяк, глядя на Жабу и Скую налитыми кровью глазами. – Груз должен быть в Убежище послезавтра! Шевелитесь, доходяги!

Зэ, замерший недалеко от Луки, булькнул и попятился. Скую попытался выступить парламентаром:

– Мы на миссии! Шаманы...

Здоровяк выхватил заткнутую за пояс плеть и перетянул Скую так, что тот едва успел защититься рукой. Место удара на глазах налилось краснотой и начало покрываться волдырями.

– Для тупых! Мое имя Крэг! Слышали? – Жаба и Тряпка закивали. – Срал я на ваши миссии и шаманов! Впряглись и поперли!

Загнанные мутанты посторонились, уступая хомуты новеньким, и легли на землю. Пока все были заняты, Лука пробрался к камню, где стоял противень с мясом, и, поглядывая на нового верховода, часть кусков запихнул в рот, а часть впитал, коснувшись рукой. Метаморфизм возликовал. Лука заметил за камнем разделанную тушу таракана размером с черепаху и также впитал органические остатки.

К тому моменту Скую встал позади телеги, приготовившись ее подталкивать. Крэг остановил взгляд на Луке.

– А ты че тихаришься? Имя?

– Север.

– Отменяется. Будешь Соской, понял? Все! Впрягся! Живо! – Он погрозил плетью, и Лука поковылял к телеге, едва сдерживая гнев.

Месяцы императорства научили его терпению и отвалили от необдуманных поступков. К тому же метаморфизм включился в работу, выстраивая из органики новые мышечные волокна и заживляя рану, так что каждый шаг давался Луке все легче. «Посмотрим еще, кто тут Соска», – решил он.

Четырехрукий Йогоро был жив, ворочался и пытался подняться, но не мог, а вот недоброжелатель Луки Щур застыл на спине, раскинув руки. По его лицу, теперь напоминающему фарш, ползала огромная муха со множеством лапок. Туловище насекомого раскрылось, выпуская юркий щуп, мгновенно воткнувшийся в плоть и покрасневший от поступающей крови.

Нюхач Зэ куда-то спрятался, но Крэг его и не искал, потому что он не годился как тягловая сила. Загнанные незнакомые мутанты то ли и правда вырубались, то ли притворялись мертвыми, все, как один, валялись на земле и не двигались.

Лука неторопливо шагал к телеге, смотрел на изможденных мутантов, на покалеченного Йогоро и убитого Щура, и в его душе разгоралась злость. Сознание Луки-подростка и тысячелетний опыт Эск'Онегута сошлись на неприятии напрасных смертей, два наложенных друг на друга желания завладели сознанием Луки'Онегута.

Да, в Империи мутантов ставят даже ниже животных, но, как выяснилось, они вполне разумны, у них свой кодекс чести, свои законы. Йогоро спас Луку и получил ранение, и теперь надо вернуть долг, вот только энергии Колеса исчезающе мало, нужно подождать, когда ее хватит хотя бы на пару секунд боевой формы.

– Встали, доходяги! – взревел Крэг и принялся охаживать лежащих мутантов плетью, бедолаги, покачиваясь, поднимались и тут же падали. – Пойдете запасными!

На валяющегося на земле Йогоро с распоротым боком Крэг не обращал внимания, а зря. Четырехрукий мутант поднялся, взял тесаки и, пошатываясь, направился к захватчику. Видимо, отказался признавать нового верховода. Тот стоял к нему спиной и ждал, когда поднимутся загнанные мутанты.

Если верховод обернется, конец Йогоро! Лука решил подыграть «своему» мутанту, упал на колено перед Крэгом и проговорил, поднимаясь и демонстрируя бедро:

– Я долго не продержусь, я ранен.

– Мне плевать, Соска. Если упадешь – прикончу. Понял? Я непривередливый, сгодишься идохлым! – мутант-здоровяк гоготнул.

Лука смотрел в налитые кровью глубоко посаженные глазки, боковым зрением наблюдая, как Йогоро замахивается тесакми. Видимо, в последний момент Крэг почуял неладное, обернулся, и один тесак лишь оцарапал ему спину, а второй врезался в ключицу и застрял.

Взревев, звероподобный пришелец перехватил руку Йогоро, дернул его на себя и отшвырнул. Не вытаскивая из кости тесака, направился к четырехрукому, чтобы добить.

Подавив боевой крик, Лука рванул на Крэга, активировал боевую форму, выбросил из руки мономолекулярную струну, она впилась в тело мутанта в районе подвздошной кости, прошла насквозь, сместилась до пупка и... истаяла. Разрубить Крэга напополам не получилось, а вот позвоночник повредить все-таки удалось – ноги мутанта отнялись, но они ему были не особо нужны.

– Ах вы, шлюхи Двурогого! Пор-р-рву!

Крэг не просто продолжал жить, он, опираясь на руки, довольно резво пополз к Луке. При каждом движении рана на надрезанном боку открывалась, выплескивая кровь и содержимое кишок, но было ясно, что он достигнет цели раньше, чем издохнет.

Положение спасли мутанты, впряженные в телегу, стоящую на возвышенности. Поднапрягшись, они столкнули ее на Крэга, которому до Луки осталось три-четыре локтя.

Удар он получил задней частью телеги, распластался под колесами. Зацепившись за его тушу, повозка перевернулась, выдавливая кишки из разреза в боку и рассыпая бутылки с вином, мешки и свертки.

Одна бутылка откатилась к Луке, ударилась горлышком о камень, треснула, роняя в иссушенную почву рубиновые капли. Наследие Эск'Онегута подсказало Луке, что красное вино выводит радиацию из организма, и это просто подарок судьбы: вино будет естественным путем бороться с лучевым заражением, что сэкономит энергию Колеса.

Лука потянулся к бутылке, сбил горлышко о камень и сделал глоток. Вино было горячим и отвратительным на вкус. Метаморфизм возопил о попадании алкоголя в организм и тотчас его нейтрализовал, а параллельно заявил о наличии мощного антиоксиданта ресвератрола и даже немного запас его, отправив во внутренний резервуар.

Раздавленный Крэг уперся в перевернутую повозку и, рыча, старался ее с себя скинуть, но все слабее с каждой попыткой. Лука сделал еще глоток вина и отполз в тень телеги, он сохранил дееспособность – то ли съеденное тараканье мясо быстро восстанавливало организм, то ли вино и правда нейтрализовало радиацию, освобождая затрачиваемую на это энергию Колеса.

Мутанты, стоящие на пригорке, рванули к Йогоро, лежащему на спине, потом от группы отделился Жаба, поковылял к лохматому Фургу и сел над ним на корточки. Фург корчился от боли, и Жаба засуетился над ним.

В то же время пришлые мутанты Крэга схватили себе по бутылке вина и начали его хлебать.

– Стоять! – крикнул им Лука, поднимаясь, – мародеры замерли, сжимая свою добычу. – Бутылки на место, живо! Сдохнуть захотели?

– Ты кто? – умирающим голосом спросил складчатый мутант на коротких ногах.

– Север.

– Север, братишка, Двурогий не даст соврать, очень пить хочется, – пожаловался тот.

– Так воду ищите и пейте... «братишки», – распорядился Лука и направился к Фургу.

Дела лохматого были плохи, это было понятно и без подсказок метаморфизма.

– Ног не чувствую, – хрипел Фург. – Хана мне. Слышу зов Двурогого... Добей!

Жаба, поджавший губы, жалобно покосился на Луку и протянул ему нож, а потом отвернулся, скрывая слезы.

– Давай ты. Я не смогу.

Фург покорно запрокинул голову и подставил горло, Жаба сгорбился, став маленьким и жалким. Лука вспомнил, как он в образе Маджуро явил миру чудо, излечив парализованного калеку Финна на Арене и расположив к себе горожан. Получится ли сейчас? Хватит ли энергии?

Ничто не мешало проверить. Лука положил руку на грудь Фурга и зашевелил губами – по привычке имитируя молитву. Никто не заметил тончайших нитей, через которые он передал мутанту наноагентов, тотчас приступивших к исцелению организма.

– Ты поправишься, – убирая руку и с трудом шевеля языком, сказал Лука.

Отполз на четвереньках, покосился на дергающегося в агонии Крэга, придавленного повозкой, на собравшихся кучкой его тягловых мутантов, прикладывающихся к баклажке с водой и оживающих на глазах.

– Если я поправлюсь, то...

– То верховодом буду я, – отрезал Лука, сделав зверское лицо. – И мы все вместе пойдем в Убежище.

Валяющийся Фург сел, удивленно вытаращился на свои мохнатые ноги, подвигал стопами туда-сюда, согнул колени и воскликнул:

– Обалдеть! Жаба! Ходь сюды! Глянь! От такого и в Пресвятую мать поверишь! Чудо!

Вокруг него собрались уцелевшие мутанты, даже раненый Йогоро приковылял и Зэ вылез из убежища. Тягловые мутанты тоже подошли. Жаба протянул руку, чтобы помочь Фургу подняться, но лохматый встал сам и впился взглядом в Луку:

– Я могу ходить! Север! Как ты это сделал? Или ты супер? Или шаман?

Лука качнул головой и изрек, имитируя командные интонации ныне покойного Крэга:

– Я ваш новый верховод. Кто-то против?

– Нет, если вылечишь мою рану. – К Луке подошел Йогоро. – Сможешь?

– Позже, – сказал Лука, и перед его глазами появился текст:

Очки Тсоуи: +2. Текущий баланс: –16.

Смерть Крэга и исцеление Фурга сделали мир лучше, и Вселенной все равно, мутанты они, люди или разумные членистоногие.

Лука улыбнулся, в его голове посветлело – обозначился план дальнейших действий.

Ему предстояло освободить Кору, которая еще жива и находится где-то в Убежище, вернуть себе престол и восстановить справедливость в этом перекошенном, как бедолага Ску, мире.

Глава 3. Рециний Освободитель

Когда младший кузен покойного императора Маджуро Четвертого, Рециний, еще будучи вне закона, обрастал союзниками на Юге и готовился к войне, в его доме будто ниоткуда появился высокий статный мужчина. Ничего не говоря, незнакомец одним огненным плевком из черненой перчатки испарил скалу. Взлетел под небеса, крепко держа за пояс потерявшего дар речи Рециния, и затем вернул на террасу. На несколько секунд обрел прозрачность, обратившись то ли в злого духа, то ли в ангела.

Рециний, едва выталкивая слова из пересохшей гортани, попросил объяснений:

– Кто вы?

– Сначала скажу, кто вы. Вы генетическое отребье, Рециний, – сказал ему тогда, будто сплюнул, незнакомец. – Говоря вашим дикарским языком, у вас гнилая кровь. Вы дефективный сброд, отправленный на Съяр умирать тысячи лет назад. Нормальные люди живут там. – Он указал на беспокойный океан за окном. – Миром управляет сияющая и вечно юная королева Тайра Ра’Та’Кант. Ее семья – люди с идеальной кровью. Мы, высшие семьи ракантов, управляем от лица королевы всем миром, а он куда больше, чем ты думаешь, червь. Кхары, те, кто до вас жил на Съяре, сильны и выносливы, поэтому из них получились хорошие бойцы и охранники. Основная масса людей – олаки, обычные никчемные смерды. Только и способны, что прислуживать. Но они хотя бы с полноценным генетическим кодом. А вот вы... Вы, съяры, дерьмо. А ты, червь, жаждешь быть императором. Императором дерьма!

Рециний сидел будто оглушенный. Незнакомец создал из воздуха шар, который назвал глобусом, и показал, какую часть планеты занимает Империя. Заброшенный всеми кусок суши, наполовину испорченный проклятием Двурогого...

Закончив с описанием мироустройства, незнакомец перешел к восхвалению своих людей:

– Мы покорили космос и обжили почти всю Солнечную систему! Мы умеем лечить все болезни и продлевать жизнь. Мы...

– Космос?

Гость посмотрел на него как на идиота и выругался.

– Земля не плоская, Рециний. Земля – это шар, я же тебе показывал! Земля и другие планеты вроде известной тебе Утренней звезды – все они вращаются вокруг Солнца... А, к Двурогому, я тебе в наставники не нанимался! Значит, так. Я представляю ракантов в Империи. Мое имя Антоний Кросс, я четвертый советник при дворе, я решаю, кому править, а кому поддыхать. Выбор у тебя простой: принять мою помощь, а после жить в роскоши и выполнять мои приказы, или пошел ты к Двурогому, копошись в этой клоаке сам. Ну?

Рециний выбрал императорство и роскошь. Где-то глубоко в подсознании все еще зудела мысль о том, что хорошо бы, чтобы поданные его любили. Как и всем тщеславным правителям, ему хотелось народного обожания. Даже гордый эпитет «Освободитель» он выбрал сам, а потом уже вбросил в массы через генералов и прикормленных бардов и менестрелей.

Впрочем, купаться в роскоши тоже хотелось, а тут надо было выбирать: указы, которые поспособствуют улучшению благосостояния жителей, неуютны Кроссу, а он, какое досадное недоразумение, тут главный.

Но Антонию было плевать на его желания. Так что Рециний продолжал слепо следовать приказам четвертого советника, однако пообещал себе, что со временем, когда осядет пыль сражений и дожди смоят кровь казненных, разберется с четвертым советником и пороется в его покаях.

«Технологии», так Кросс описывал свое могущество. Он же признался и в том, что технологии, в отличие от магии, может использовать любой, кто ими владеет. Так почему бы таким человеком не стать Рецинию?

Сейчас он сидел во главе стола и, подперев голову рукой, смотрел, как расходятся новоиспеченные советники – торопливо, гремя стульями и исподлбья поглядывая на нового императора. Люди, которых он вытащил из грязи, отмыл и даровал власть – каким они видят Рециния?

Полная противоположность своего двоюродного брата: высокий, подтянутый, коротко стриженный и всегда идеально выбритый, с военной выправкой, издали он напоминал Антония Кросса, со спины они и вовсе казались кровными братьями, а вот спереди...

Рециний в детстве, подслушивая болтовню няnek, узнал, что не вышел лицом, и злился, но, повзрослев, научился выделять достоинства своей внешности. Там, где остальные видели безгубый вдавленный полумесяц рта над выдающимся, будто разрубленным пополам, подбородком, он усматривал воплощение воли и упорства. Редкие рыжие брови и глубоко посаженные светлые глаза считал признаком благородной крови. Теперь ясно, что у всех жителей Империи кровь порченая, но ведь и среди них есть лучшие из лучших.

Любому императору народ дает прозвище, и Рециний всей душой желал, чтобы его называли Освободителем, на худой конец Мясником, и еще не знал, что от дворца, будто запах от разлагающегося мертвеца, уже потянулись слухи, в которых Рециний фигурирует не иначе как Трупоед.

Проклятый зал совета, ставший в истории Империи местом гибели не одного императора и советника, покинули все, кроме одного человека, того, кого Рециний ненавидел больше всех на свете: и за то, что лишился из-за него мечты править единолично, и за снисходительное презрение, но больше всего за помощь в восхождении на престол. Рециний не любил быть кому-то обязанным и, если не мог вернуть долг, избавлялся от своих кредиторов.

Четвертый советник Антоний Кросс дождался, когда двери захлопнутся, требовательно посмотрел на Рециния.

Тот заставил себя широко улыбнуться и сказал:

– Все, как вы и предсказывали, господин советник. Аристократия не просто поддерживает меня, они из штанов выпрыгивают, чтобы доказать лояльность. Особенно те, что хорошо устроились при Кислом.

– Маджуро Кислый, – скривился Кросс так, будто и правда раскусил что-то неприятное. – Из-за этого ублюдка чуть не погибла моя жена!

– Гердиния... – прошептал Рециний, вкладывая в голос все благоговение, что смог из себя выдавить. – Как это возможно? Ярл Расмус докладывал, что ее четвертовали и скормили труп... простите, скормили ее монстрам Пустошей.

– Расмус не соврал. Изуродованное тело моей бедной супруги оставили почти бездыханным в Пустошах. Однако технологии нашего мира куда шире, чем все то, что вы называете магией. Я нашел Гердинию и отвез на большую землю. Сейчас она у целителей и, хоть и не скоро, но поправится.

Антоний на мгновение поежился, вспомнив, чем ему грозила смерть Гердинии. Святая обязанность каждого мужа-раканта – беречь жену. Сияющая королева Тайра Ра'Та'Кант следила за этим особенно пристрасно. Муж, не сумевший уберечь жену, становился парией, не теряя статуса раканта, разумеется, он лишался всех возможностей карьерного роста. О том, что с Гердинией творится что-то не то, он узнал благодаря встроенному в ее тело миниатюрному чипу, отслеживавшему все происходящие в организме процессы. Он успел вовремя – нашел обезображенное тело Гердинии в радиоактивной пустыне по сигналу передатчика, заключил его в стазис-поле и доставил в большой мир. Сейчас Гердиния лежала в регенерационной капсуле в искусственной коме.

– Что касается Расмуса... – Красивое лицо Антония осталось бесстрастным, но по едва различимым интонациям Рециний понял, что четвертый советник едва сдерживает гнев. – Казнить мразь!

– Но господин Кросс... Ярлы такого не потерпят! Он же ради нас старался, они расценят такой шаг как предательство. Может, отправить убийцу?

Рецинию с трудом удавалось сдерживать негодование. Что он делает? Таких усилий стоило прикормить ярлов, и теперь что? Поставить крест на союзе из-за его каприза?! Только бы здравый смысл победил!

Но нет, Антоний прикрыл глаза и проговорил так, будто обращался не к человеку, а к прилипшему к подошве куску дерьма:

– Нет! Я хочу, чтобы эту тварь протасили голышом, обмазав дегтем и перьями, по всем улицам столицы и казнили публично. Мне плевать на гнилую кровь генетического отребья, но кровь раканта неприкосновенна! Я требую публичной казни!

– Значит, война продолжается... – вздохнул Рециний, и на полминуты воцарилось молчание, которое нарушал Антоний, стуча пальцами по столу.

– Кстати, что с бывшими приспешниками Кислого?

– Генерал Хастиг схвачен и будет казнен сегодня. Остальные пока скрываются, но не сомневайтесь – мы всех найдем и выкурим из их крысиных нор!

– Что там с наивными реформами Маджуро?

– Все отменено. Конфискованное им имущество частично возвращено прежним хозяевам, частично будет продано с аукциона. Нужно же как-то пополнять казну. Правда...

– Что? – Антоний скосил глаза и нанизал Рециния на взгляд, как на меч. – Сложности?

– Пока вас не было в Столице, начались волнения. Барды распевают песни во славу Маджуро Защитника, чтоб его Двурогий сожрал! Понятно, откуда ветер дует, рейк Ли Венсиро, возвысившийся при Кислом до советника, нагнетает. Народ шепчется, говорит, что прежний император жив, что я узурпатор.

– Ты не можешь справиться с собственными подданными? – сощурившись, поинтересовался Антоний.

– Отчего же, могу, – вздохнул Рециний. – Давим зачинщиков, как чинилий. Казни идут с утра до ночи, дорога на Юг уставлена распятыми бунтовщиками. Роккан Черный...

– Кто?

– Воровской вожак; мне докладывали, что после смерти Свирепого Игната Кислый приблизил к себе Роккана. Так вот, он собрал своих прихлебателей и атаковал склады с оружием. Нападение отразили, большинство бандитов перебили, но Роккан ушел.

– Ловите! – вздохнул Антоний. – Мне не до ваших местечковых разборок. Чтобы ко дню Сбора навел порядок!

– Выплата будет в срок, – пообещал Рециний. – Сразу после я планирую направиться с армией на Север. Ярлы так просто не сдадут Расмуса, да и давно пора заканчивать их вольницу. Кто присоединится, сохранит земли, остальные семьи вырежем. И нерешенным останется только одно...

Рециний замер в ожидании, и Кросс впервые повел себя так, как было нужно.

– Мутанты?

– Да. Пока в Пустошах есть хоть один разумный, в Империи порядка не будет. Но проклятие Двурогого... Ввести туда войска – все равно что потерять. Возможно, у господина четвертого советника есть средство, чтобы защитить моих воинов?

Бровь Антония поднялась: «Убогий-то, оказывается, себе на уме! Догадывается, что Кросс в состоянии помочь, и просит!» Антоний решил, что не ошибся, поддержав Рециния. Из него получится удобный император. Вот только вмешательство такого рода надо выносить на семейный совет. Глава Кроссов Тираний может и отказать.

– Могу ли? Да. Стану ли это делать? Не знаю, вернемся к теме, когда казнишь Расмуса и подчинишь Север. Тогда и поговорим о твоей войне с мутантами.

Глава 4. Да пожрет тебя глубинный червь!

Хоть телега, груженная вином и провизией, и была тяжела, мутанты отказались не только бросать ее, но и оставлять даже часть провианта, а Лука не стал настаивать. Ему требовалось максимально расположить аборигенов к себе, чтобы узнать как можно больше об устройстве общества жителей Пустошей.

Из-за телеги двигались медленно, но Лука и не спешил, ведь до принесения в жертву Коры время еще оставалось. Ему нужно было усилиться перед тем, как он явится в Убежище. Чем медленнее они будут двигаться, тем больше вероятность встретить других рейдеров и влить их в состав своей группы.

По жребию первым телегу толкал отряд Луки. Новый верховод запретил им много пить, но ослабленным мутантам хватало и нескольких глотков в час, чтобы развеселиться и расслабиться. Тягловые уродцы Крэга плелись следом, пытаясь попасть в тень телеги, бочкообразный Зэ шнырял по окрестностям, стараясь вынюхать что-то интересное.

«Своих» мутантов Лука уже знал поименно, а с новыми, полученными по наследству от убитого Крэга, познакомился на ходу. Один из них, по имени Сахарок, Луке сразу не понравился, но объяснить себе почему не получалось. Вроде нормальный мутант, не такой страшный, как тот же Скую, и не перечит, но что-то в его коротких оценивающих взглядах исподлобья Луку насторожило. Словно тот узнал в нем Маджуро и теперь раздумывал, как использовать это себе во благо.

Окинув себя взглядом, Лука не нашел ничего, что могло бы напоминать об императоре. Но лицо... глаза... Все прежнее, хоть и иссохло так, что остались одни скулы. Мысли об этом напомнили о семье и друзьях.

С горечью в сердце Лука вспоминал, кого оставил в Империи. Мама, друзья-советники... Душу рвало при мысли о том, что могло произойти с Гердинией, да и за мать он переживал не меньше.

Вообще, Лука был уверен, что дела в Столице обстоят ужасно: льются реки крови, стегают женщины, у людей отнимают последнее, чтобы собрать дань для Антония Кросса. Эх, вернуться бы, свергнуть Рециния и продолжить реформы! Можно же будет как-то вписать мутантов в общество обычных людей? Судя по всему, они вполне люди, разве что странные. Если сделать все это, баланс очков Тсоуи станет положительным.

Он рассчитывал, что, излечив Йогоро, получит плюс одно, но ничего такого не случилось – видимо, четырехрукий мутант был не так ценен для вселенной, как мохнатый Фург. Но зато, когда рваная рана на его боку затянулась на глазах удивленных мутантов, Лука буквально почувствовал, как растет его авторитет...

Позади раздалось шуршание, тащить телегу стало тяжелее. Обернувшись, он увидел, что Зэ запрыгнул в повозку и принялся копаться в мешках. Лука промолчал, нюхачу постоянно нужно что-то есть, иначе он погибнет. Жабба же, запряженный в телегу спереди и шагающий рядом с Лукой, покосился назад и сказал:

– Север, ты бы это... Для приличия хоть рявкнул. Зэ дашь волю, он все припасы сожрет. Получится, мы телегу тащим ради него одного.

– Зэ! – рявкнул Фург. – Оторву твой поганый язык!

Нюхач юркнул прочь, унося что-то в коротких ручонках. Лука, проводив его взглядом, поинтересовался:

– А нюхач – он вообще кто? Верховод главный в группе, а остальные что? Все равны?

– Нюхач – редкость. Гекко повезло выиграть Зэ в карты...

– И со мной ему повезло! – уркнул Фург, отхлебнув вина.

– Угу, – не стал спорить Жаба. – В группе все остальные воины. В Пустошах, коли драться не умеешь, лучше сидеть в поселении или Убежище...

Чешуйчатый мутант рассказал, что подобных рейдерских отрядов тысячи. Они совершают набеги на деревни Империи, охотятся, собирают травы. Некоторые доходят до Тассурийских джунглей, где можно раздобыть нормальной еды: дичи, фруктов, съедобных грибов. Кто не хочет или не может охотиться, живет в поселениях и приносит хоть какую-то пользу. Ну или не приносит и промышляет грабежами и воровством.

Вообще, как оказалось, несмотря на то, что мутанты могли жить вольно, а писаных законов в их обществе не имелось, порядок все же соблюдался. Была и организация, и иерархия. Жаба охотно посвящал нового знакомого в подробности построения мутантского общества:

– Альфа-верховод, стало быть, главный.

– Его кто-то назначает? – поинтересовался Лука.

– Хех, тоже скажешь! – хохотнул чешуйчатый мутант. – Он же альфа, кто ж его назначит? Альфа отвоевывает свое место зубами, когтями и железом. Путь альфы залит кровью. Вот ты ж видел, как покойный Щур, чтоб его труп черви сожрали, вызывал в Круг Фурга?

– Наоборот.

– Да плевать, они собирались, кароч, биться за верховенство в группе. Мы рейдеры, нам без старшего нельзя, а иначе кто будет перед жрецами отвечать? Вот так, значит. А альфа-верховод, стало быть, должен всех остальных верховодов в Круге победить. Те могут не принять бой и подчиниться, могут сдаться и подчиниться. А могут и просто погибнуть.

«Так вот откуда у преступников Столицы вся эта история с Кругом, – подумал Лука, вспомнив свои поединки с капитанами Игната. – Или, наоборот, беглые принесли эту традицию в Пустоши».

– То есть альфа-верховод у нас главный? – спросил он, поймав себя на том, что сказал «у нас».

– Итить-колотить, Север, ты, конечно, верховодишь, но как вчера из щели вылез... – подивился подслушивавший разговор Сахарок. – Мужики, откуда взялся ваш верховод?

– Из Очага, – ответил Йогоро. Четырехрукий сплел пальцы и вытянул руки, хрустнув суставами. – А ты, сладкий, слишком много вопросов задаешь. Для того, кто был подстилкой Крэга... – Сделав после этих слов паузу, он спокойно сообщил: – Короче, не борзей, порву.

– Так кто главный-то? – повторил вопрос Лука, обращаясь уже ко всем. – Че пялитесь, новички? Мою историю мужики знают, я не местный.

– Вот это новости... – пробормотал Кецарик, мелкий мутант без примечательных черт, если не считать огромного кадыка и крючковатого носа. – Ох, не прогневить бы Двурогого. Не по закону верховодить пришлому...

– Пасть захлопни, – посоветовал Фург. Шерстистый всю дорогу молчал, видимо, переоценивал свою жизнь после того, как побывал на пороге Двурогого и был исцелен Севером. – Я тебя, тля, наживкой сделаю. Или скормлю Зэ.

Нюхач, сидевший на телеге, встрепнулся и облизнулся.

– Тоший какой-то, – недовольно заметил он. – Но сойдет. Фург, че, рви гада, он нашего верховода оскорбил недоверием. Не дело.

Кецарик отшатнулся и забормотал:

– А че я? Я ниче, вон, Сахарка жрите.

Жаба недовольно покосился на Сахарку, потом на Кецарика и сплюнул:

– Кароч, рожи ваши мерзкие... Не видите, разумные общаются? Чего лезете с тупыми вопросами? Зэ, если еще кто из них хоть крякнет громче положенного, разрешаю откусить руку.

– Ноги вкуснее!

– Без ног они ходить не смогут, балда! Все, заткнитесь все, дайте, кароч, дорассказать!

Жаба продолжил вдохновенно посвящать Луку в мелочи жизни в Пустошах:

– Мы поклоняемся Двурогому, ибо под его проклятием ходим, и только оно бережет нас от нормов. Это, кароч, те, что в Империи живут. У Двурогого три жреца, они и есть реально главные, Север. Видим их только по праздникам, но лучше б не видели. От одного их вида люди падают замертво, бабы рожают недоносков, дети трясутся в судорогах и истерят.

– Такие страшные?

– Да как тебе сказать... Лиц их никто не зрел – что там под капюшоном, бес его знает. Фигуры у них обычные, вроде как у нормов. Но аура, чтоб меня червь проглотил, мерзкая. Даже если спиной стоять, кароч, ноги трясутся и бежать хочется.

– Жрецы главные?

– Вроде того. С обычным человеком они не общаются... – Жаба выстрелил языком в пролетающую мимо муху и жадно сглотнул. – Вместо них этим занимаются шаманы. Они же проводят обряды, приносят жертвы, командуют верховодами – через Альфу, понятно.

– Ты лучше про суперов расскажи, – подал голос Йогоро. – Как шаманы их делают и зачем.

Жаба закатил глаза и с полминуты обдумывал ответ. Наконец, проговорил:

– А что про них рассказывать? Их делают из верховодов. Шаманы отбирают, отдают жрецам, а те уже возвращают, если что осталось, не верховода, а супера.

– Да не, – возразил Тряпка, толкающий телегу сзади. Лука услышал, как тот отхлебнул вина, прежде чем продолжить. – Жаба мамкины сказки рассказывает. На самом деле выбирают, значит, умных детей Двурогого из это... ну-у-у... наших, кароч. Истинных! И того! – Забыв о том, что надо тянуть телегу, он остановился, сделал кольцо из указательного и большого пальца, сунул туда второй указательный. – Скрщ... скерщ...

– Понятно, – сказал Лука, – Тряпке больше вина не давать!

– Север, завязывай! – взмолился Тряпка. – Я Чекан, а не Тряпка.

– Слово верховода – закон! – воскликнул Йогоро и расхохотался. – Тряпка, ты Тряпка, все!

– Я расскажу, – вызвался перекошенный Скую. – Скрещивают сильнейших детей Двурогого с лучшими истинными...

– Кто такие дети Двурогого? – спросил Лука.

Жаба икнул, посмотрел на него как на идиота.

– Кароч, дети Двурогого тут жили еще до нас всех и даже до людей. Шут его знает, какими они были. Двурогий дал им сильные тела и защиту от проклятия, но они отупели, некоторые стали как зверье. Вот пожиратели те же, что Гекко кончили, дети Двурогого.

– Так они разумные? – ахнул Лука.

– Если даже они разумные, то все равно тупые.

– Примерно как ты! – хохотнул Йогоро.

– Тупой ты и мамка твоя! – обиделся Жаба и продолжил, обращаясь к Луке: – Ты, Север, в натуре странный, как с Луны сваленный. Меня мамка в детстве пугала, что поймают меня люди, заберут в цирк и посадят в клетку. И стану я таким же странным.

– Перестаралась мамка, – сказал Тряпка. – Совсем зашугала.

– Кароч! – разозлился Жаба и мстительно добавил: – Север, ты Тряпку не слушай. Ему только дай повод, он про свой «скрщ-скерщ» будет сутками говорить. Писюна нет, а хочется, вот и фантазирует бедолага! А суперов делают из верховодов!

– И ни шиша они потом не помнят, – добавил Фург. – Был у меня первый верховод Топор. Забрали его жрецы, а через год встречаю на рынке супера – огромный зверюга, такой в одиночку глубинного червя на части порвет. Ну подивился и шиш с ним, да только глаза, смотрю, знакомые! Вгляделся – а это Топор! Я ему: «Хей, Топорище! Это ж я, Фург, твой ближний!» А

он рыкнул: «Ты, доходяга, тассурийского дурмана обкурился, что ли? Че дерзишь, зубы лишние?» Ну я и дал деру.

– Правильно сделал, – поддержал Фурга Тряпка. – Суперу только дай повод, обязательно бошку оторвет. И ничего ему не будет!

– Суперы ходят в рейды? – спросил Лука.

– На кой болт? Они на всем готовеньком. Тренируются, дерутся, имеют всех баб, до которых дотянутся... – завистливо произнес Тряпка. – Скрщ-скерщ, когда пожелают! Их дети, суперы во втором поколении, идут в легион Двурогого.

Жаба бросил тянуть телегу, выскочил вперед и, подняв руку, высокопарно процитировал:

– «И обрушится гнев и мощь Легиона на Империю, и очистит землю огнем, и станут нормы изгоями, а мутанты – нормами, и пойдет каждый мутант войной, и сразится в последней битве с лицемерными детьми Пресвятой матери во имя Двурогого, да останется его имя неназываемым до воцарения его власти на всей земле...»

Другие мутанты слышали эти слова не раз, но все равно Лука заметил, что настроение у всех упало. Следующий час прошли молча, лишь Зэ периодически копался в мешках и что-то жрал.

– Только бы на детей Двурогого снова не нарваться, – вдруг сказал Жаба. Со скрежетом почесавшись, отчего несколько чешуек отвалилось, он сообщил: – Им плоть истинных, что Тряпке скрщ-скерщ, слаще сладкого.

– А истинные – это кто? – спросил Лука, смекнув, что лучше выглядеть странным, чем оставить пробелы в знаниях.

– Истинные мутанты – те, кто рожден в Пустошах. Есть истинные, например, я, Жаба, Фург, Зэ, Йогоро, Тряпка. А есть простые – те, кто пришел от нормов.

– А Север какой? – булькнул подбежавший Зэ. – Слышь, Север, ты истинный или простой?

– Я вырос в Империи, – напомнил Лука.

– А по мне, так наш верховод – истинный, – отозвался С্কю. – Его ж в детстве нормы в цирк забрали. Скажи, Север, а правду бают, что нормы после жрачки щеткой зубы трут?

– В смысле?

– Ну, рассказывают всякое. Странные эти нормы. Слышал, что некоторые даже, как посрут, жопу бумагой вытирают. Или того хуже, водой отмывают! Дикость какая-то...

– Варварство, – содрогнулся Тряпка.

Скю ненадолго замолчал, тужась и подталкивая телегу в горку, мутанты Крэга ему помогли, и совместными усилиями ее таки вытащили наверх. Теперь надо было осторожно спуститься, чтоб она не покатила на всех парах.

– Слышал я, – кряхтя, произнес Тряпка, – будто нормы чуть ли не каждую неделю моются. Воду переводят, гады! Небось и скрщ-скерщ каждый день у них... Хотя... Я б не отказался!

– А ты, Тряпка, иди к шаманам, – посоветовал сзади Фург. – Так мол и так, скажи, хочу скрщ-скерщ каждый день. Они ж скрещивают, может, кому и понадобится твоя мутация.

– Зловонный пердеж и отсутствие писюна – это не мутация, – не согласился Жаба. – Это...

Йогоро, перебежавший к Луке и Жабке, чтобы не дать телеге скатиться с пригорка, громко заржал и выдал:

– Вот представь, Тряпка. Бу-га-га! Придешь ты к шаманам, а они давай тебя с пожирателем скрещивать... С пожирательшей! Бу-га-га! А ты даже не знаешь, куда там скрещиваться! И нечем!

Зэ упал на спину, забулькал, задергал ножками, Жаба и пришлые мутанты зароготали. Лука и сам не сдержал улыбки.

– Чтоб тебя... Ха-ха-ха! Глубинный червь сожрал! – радостно воскликнул С্কю.

Процессия замерла – все сложились от хохота. Выпуская накопившееся напряжение, смеялись так, что, казалось, сама земля трясется, Луке тоже передалось веселье, и он отводил душу вместе со всеми.

Первым опомнился Зэ, вскочил на четвереньки, затем всем телом прильнул к земле да как заверещит:

– Глубинный червь! Спасайтесь!

От неожиданности мутанты, держащие телегу, оторопели. Первым отошел Скю и крикнул:

– Врассыпную! На скалы!

Но опоздал. Земля под ногами дернулась, подбрасывая мутантов, Луку и телегу со всем содержимым, будто ее снизу ударили гигантской ладонью. Мутанты попытались броситься врассыпную, но под ногами образовалась огромная воронка, даже скорее кратер, медленно расширяющийся и превращающийся в розовый зев со множеством мелких щупалец. Лука попытался взбежать вверх по его склону, но одно из щупалец схватило его за лодыжку, рвануло вниз и швырнуло в разверстую ротовую щель, где мелькнула мохнатая башка сожранного Фурга.

Такое с Лукой уже случалось, в прошлый раз он не только победил червя, но и использовал его как строительный материал, теперь все было сложнее: ему предстояло сохранить жизни мутантам.

Сложности начались уже в пищеводе, снабженном роговыми наростами, чтобы проталкивать пищу в желудок. Сокращался он волнами, и если замешкаться, то...

Мышцы сжались, пропихнув Луку в желудок, но не расплющили, спас усиленный скелет. Стиснутый со всех сторон, утопающий в слизи, он плюхнулся в черный мешок желудка, заполненный кислотой. Боли Лука не почувствовал, первым делом метаморфизм отключил кремниевые нервные волокна, вторым – сообщил об опасности, предложил решение и сам же его воплотил:

Опасность! Зафиксирована враждебная среда!

Обнаружена концентрированная соляная кислота!

Анализ противодействия...

Активация режима нейтрализации!

Генерация карбоната натрия!

Вывод!

К этому моменту глаза уже адаптировались к черноте, и Лука обнаружил вопящих мутантов, ожегшихся кислотой, бутылки вина и обломки телеги внутри желудка, напоминающего покрытый бороздами вытянутый мешок. Мутанты вопили во все горло.

Лука ощутил, как из всех отверстий его тела, из каждой поры на коже начал выделяться какой-то порошок. Выработанное метаморфизмом вещество вступило в реакцию с желудочным соком, и вокруг Луки все начало вскипать, но без повышения температуры. Наследие Эск'Онегута предоставило информацию о том, что это выделяется неопасный углекислый газ.

Червь куда-то неся, и Луку швыряло из стороны в сторону. И он, и мутанты упали в кипящий желудочный сок, который становился все менее едким.

А вот червю приходилось несладко: его раздувало от газов, наверное, ему было больно. Лука окинул взглядом мутантов, стоящих на четвереньках. Йогоро, очухавшийся первым, проорал:

– Достаем оружие, крошим червя! Тут воздуха не хватает – задохнемся!

– Отставить! – крикнул Лука. – Всем выжившим – подойти ко мне. Попытаемся про-
рваться.

Выполнить его команду было непросто, потому что желудок сокращался, швыряя мутан-
тов туда-сюда. Когда наконец четырехрукий Йогоро, мохнатый Фург, бочкообразный Зэ, Жаба
и два мутанта из пришлых взяли за руки и окружили Луку, он активировал боевую форму,
вырастил треугольный вытянутый клинок с мономолекулярным острием и с его помощью за
долю секунды сделал прямоугольный надрез...

Который тотчас сомкнули сократившиеся мышцы червя. Далее Лука действовал навер-
няка: взмахом руки с мономолекулярной нитью он разрезал червя на две части, и передняя
половина, отвалившись, уползла, а задняя, где они все оставались, начала извиваться, пытаясь
закрыть зияющую рану. Лука прыгнул к разрезу и встал звездочкой, не давая дыре сомкнуться.

– Выползайте! Я долго не продержусь!

Червь был огромен, его мощные мышцы давили прессом, но иридиевый скелет пока
справлялся, хоть и адски болели перегруженные суставы. Мутанты один за другим выпрыги-
вали в черный проход, прорытый червем. Дождавшись, когда вылезет последний выживший,
Йогоро, Лука выпрыгнул в черноту вслед за ним. Но его ладони уперлись не во взрыхленную
почву, а в камень, как будто червь утащил их куда-то в пещеру.

Позади бился о скалы отрезанный хвост червя, уползая прочь, передняя часть тоже ото-
двигалась, оставляя чудом спасшихся мутантов в темноте. Где-то внутри осталось тело Тряпки.
«Чекана», – вспомнил Лука имя погибшего соратника.

«Активировано тепловое зрение!» – сообщил метаморфизм и откорректировал зрение,
чтобы Лука видел в темноте. Тотчас в инфракрасном спектре Лука заметил шесть красноватых
силуэтов и один оранжевый, вероятно, остывающий, висящих в абсолютной черноте. Вдалеке
виднелся подсвеченный желтым гигантский червь размером с двухэтажное здание, а может, и
больше. Деталей Лука не видел и не мог понять, почему пол полукруглый и вогнутый и
зачем его разделяет надвое бесконечно длинная железная штука толщиной в две руки.

– Похоже, мы в жопе Двурогого, – прохрипел мохнатый Фург.

– Ага, не видно ни хрена, – ответил Жаба. – Или это потому, что глаза желудочным соком
червя, чтоб его Двурогий на член намотал, пожгло, и мы теперь слепые.

– Хватит ныть, давайте выбираться! – предложил Йогоро. – Кто вообще выжил?

На вопрос Йогоро откликнулись Жаба, Фург, Скую, Зэ и мутант Сахарок из пришлых.

– Хотел бы я знать, как выбираться, – прохрипел последний.

Лука не представлял, что теперь делать, вряд ли в этом был способен помочь метамор-
физм. Если они в лабиринте пещеры, блуждать тут можно бесконечно долго.

Ответ пришел сам собой, когда хвостовая часть червя уползла, и вдалеке забрезжил рас-
сеянный почему-то зеленоватый свет.

– Мои глаза, – пожаловался Жаба. – Сожгло все, ниче не вижу.

Лука собрался коснуться его, чтобы излечить, ведь управлять исцеляющими наноаген-
тами дистанционно при таком дефиците вряд ли получится, но метаморфизм предложил этот,
казалось бы, невозможный вариант. Энергии Колеса хватало на всех.

Согласившись, Лука коснулся тех мутантов, которых еще не лечил, и проговорил:

– Сейчас все у всех пройдет. – Он подождал результата и спросил: – Видите свет вдалеке?
Идем туда.

Оказалось, никто, кроме него, света не различал.

– Беритесь за руки, я вас выведу.

– Типа ты знаешь куда? – противно прошепел Сахарок.

Лука представил, что он мутант Север, верховод этих отморожков, он должен быть жест-
ким, но справедливым. Подошел к Сахарку, схватил его за грудки, поднял и припечатал к
стенке.

– Ты что-то имеешь против? – Он разжал руки, роняя мутанта. – Еще раз вякнешь – порешу. Взялись за руки, быстро!

Мутанты оживились, выстроились цепью, Север стиснул прохладную чешуйчатую лапу Жабы и решительным шагом повел его на свет. Зеленоватый, неестественный какой-то, вселяющий тревогу. Шагая наугад, скользя рукой по каменной гладкой стене, Лука отмечал, что на пещеру коридор не похож, это что-то другое. Свет впереди уж очень странный... И тут до него дошло: все выглядит так, словно его излучает теплое живое существо.

Но отступить было поздно, он замедлился возле появившегося впереди овального прохода... Закрытого прохода! Изнутри запечатанного железной дверью. Север протянул руку, коснулся металла, тот был теплым и потому светился.

– Что там? – осторожно поинтересовался Жаба, и, будто отвечая на его вопрос, железная дверь шевельнулась, посреди нее появилась изумрудная щель, похожая на вертикальный зрачок, и две части двери втянулись в стены. Сверху побежали сменяющие друг друга символы, но Лука не понимал, что они значат. Скю единственный из мутантов умел читать, но он тоже не понимал.

– Пыхтеть-тархтеть! – прошелестел Сахарок, глядящий в бесконечный коридор, где на потолке один за другим с легкими хлопками вспыхивали странного вида светильники.

– Пресвятая мать, – проблеял Жаба. – Никак магия, Двурогий меня задери!

Громко чихнул и забулькал Зэ:

– Стремное место. Ржавое, гнилое, смертью пахнет. Уходить надо!

– Куда ты пойдешь? В нору червя? – скептически просил Скю. – Так он вернется и раздавит тебя. Тут или туда, – он кивнул в коридор, – или ложись и помирай.

Лука лихорадочно соображал, что делать дальше и не опасно ли шагать в эту освещенную кишку, которая раскрыла дверь-рот, едва рейд приблизился. Память межмирового странника одну за другой подсунула картинки бункеров, какими они бывают у развитых цивилизаций, и он успокоился, приняв как должное, что система распознавания свой-чужой среагировала на движение и открыла дверь.

Здесь была какая-то подземная база, куда пролез червь и притащил их. База, скорее всего, заброшена, а значит, нет ничего опасного. Лука чувствовал себя как никогда бодрым и полным сил и решил, что таково действие вина, нейтрализующего радиацию, потому, оставив мутантов у входа, собрал выпавшие из червя бутылки, подхватил сверток с едой и выпитал разлитое вино, нейтрализуя спирт.

Всего получилось шесть бутылок. Лука сложил их в котомку, предоставленную четырехруким Йогоро, и первым переступил порог странного прохода, внутренне сжимаясь.

Ничего плохого не случилось: его не поразило током, не нанизало на пики спрятанной в полу ловушки, не сомкнул челюсти капкан. Развернувшись, Север поманил мутантов, наблюдавших из тоннеля, и те, радостно гомоня, полезли за ним. Последним выбрался Зэ – из-за отсутствия шеи, чтобы осмотреться, ему приходилось вертеться из стороны в сторону.

– Плохое место. Смертью пахнет, – пробулькал он.

– Магия! – проговорил Жаба, глядя на светильники, которые у всех на глазах зажглись сами. – Где это мы?

– Сейчас проверим. Ничего опасного тут быть не должно, – попытался подбодрить их Лука. Еще по времени императорства он помнил, каким должен быть лидер, и старался предстать перед мутантами именно таким – смелым, жестоким, но справедливым верховодом Севером.

Коридор был сделан из светлого материала. Не камень точно, что-то странное, пол под ногами выстилала белая плитка, а по сторонам имелись двери, запертые изнутри, такие же, как та, через которую они сюда зашли.

Не сдержав любопытства, Лука коснулся одной, и та сперва приоткрылась, а затем распахнулась полностью, над ней зажглись непонятные символы. По ту сторону была комната без окон: две кровати одна над другой, стол, странная белая мебель, вся в пыли.

– Фух, – выдохнул Йогоро, – я уж думал, мы в гостях у самого Двурогого!

Коридор уперся в серебристую штуку, похоже, это тоже была дверь, но больше остальных. Север поднес к ней ладонь, потрогал, однако ничего не произошло. Тогда он помахал перед дверью двумя руками, приложил их к прохладной поверхности – не помогло.

– Ты в натуре шаман? – с придыханием пробормотал Жаба, наблюдающий за ним. – Умеешь открывать такие штуки?

– Похоже, не все.

Лука-Север уже привык к тому, что если он чего-то не знал, было достаточно хорошенько об этом подумать, и понимание приходило. Вот и сейчас он сделал так же: представил эту серебристую дверь, подумал о ней и получил ответ: штука называлась лифтом, она возила людей вниз и вверх в больших зданиях. Чтобы ее открыть, надо нажать на кнопку, а чтобы лифт поехал, требуется внутри надавить на номер этажа. Тогда «магия» доставит пассажиров наверх.

Палец лег на большую красную кнопку, и двери распахнулись, открывая просторную кабину с зеркальными стенами. Увидев свое отражение, Жаба вскрикнул и вытащил нож. Йогоро хлопнул себя по ляжкам и расхохотался:

– Жаба такой урод, что себя увидел и обделался!

– А это не опасно? – заглядывая внутрь, спросил Жаба, проигнорировав шутку. – Мать, мать, мать моя женщина, вы видите? Что за страхолюдина с нами? Она на меня пялится!

– Вот-вот, – заметил Фург. – Мы на эту рожу каждый день пялимся. Жаба, это ты!

Север вошел, и остальные набились в кабину. Цифры внутри были знакомыми, всего девять, располагались они снизу вверх. Север нажал девятую, створки сомкнулись, а когда снова разъехались в стороны, был уже другой коридор.

– В натуре магия, – проговорил Йогоро. – Были там, хлоп – и тут!

Чтобы мутанты не пугались, Северу пришлось объяснять, что магия тут ни при чем – лифт просто поднимается. Его не очень поняли, но слова приняли на веру.

Этот более широкий коридор был сделан из того же материала, что и нижний, только светло-голубого, светильники тут давали оранжевый, почти солнечный свет. Мутанты вышли из кабинки и завертели головами, озираясь. Зэ чихнул, и из ротовой щели в брюхе полетели слюни.

– Плохое место, – повторил он и замер, вытаращился и затанцевал на месте, пальцем указывая в глубь коридора.

Север подумал, что нюхач просто запаниковал, но вскоре его слух различил повторяющийся звук, словно кто-то бил молотком по наковальне.

Бум... бум... бум...

Звон нарастал, и Лука понял, что это шаги кого-то огромного, невидимый великан наступал. Заморгало зловеще красным – то погружаясь во тьму, то вспыхивая кровавыми отблесками на стенах. А через секунду уши заложило от громоподобного грохота, тревожного и повторяющегося, заставляющего сперва замереть в ужасе, а потом бежать, бежать, бежать...

Будто тысячи лесных банши завизжали одновременно, и к ним добавился суровый, отдающий металлом голос, повторяющий что-то на незнакомом языке:

– Алям! Инвазион!

Жаба съехал по стене и убито сообщил:

– Капец, братцы. Алям и Инвазион... Демоны Двурогого уже здесь.

Глава 5. Демоны Двурогого

– Алям! Инвазион! – продолжал повторять металлический голос, доносившийся будто отовсюду.

«Не иначе, черная магия», – подумал Лука. – Если сбежать не удастся, придется драться». Мутанты сбились в кучу, выхватывая оружие. Вместе с Севером их было семеро: кособокий Скую, Жаба, нюхач Зэ, четырехрукий Йогоро, лохматый Фург и пришлый Сахарок.

Случись прямое противостояние, мутанты могут погибнуть. Людей приходилось беречь, а потому Север решил поискать пути отступления. Самым логичным было бежать назад.

Лука нажал кнопку лифта, чтобы спуститься на этаж ниже, но она не сработала! Лифт будто парализовало.

Тем временем скрежет шагов все приближался. Нервничая, нюхач Зэ заметался, споткнулся и упал, но это не вызвало обычного веселья. Скую помог ему подняться.

– Кирдык нам, кароч, – омертвевшим голосом сообщил Жаба. – С демонами Двурогого не справиться даже суперу...

Север завертел головой в поисках выхода и заметил вдоль стен коридора овальные двери, похожие на ту, через которую они попали в бункер. Подбежал к ближайшей, коснулся ее – створка распахнулась, и мутанты ломанулись внутрь.

– Вечно ты нас хоронишь раньше времени, – проворчал Йогоро, огляделся. – А может, и прав ты. Тупик! Север, ну что, помолимся – и в драку с демонами Двурогого?

Небольшая комната, где они оказались, была завалена всякой ерундой. И никакого выхода в следующий коридор, как надеялся Лука. Видимо, все же предстояло принять бой.

– Сидите здесь, – велел он.

Север выскочил обратно, отворил дверь напротив – а вдруг коридор там? – и сквозь быющее по нервам «Алям! Инвазион!» услышал скрежет, будто поблизости ножом провели по стеклу. Очень большим ножом – по исполинскому стеклу. Волосы на голове зашевелились.

Повернув голову, Север оторопел. Таких мутантов он не мог даже представить: широкое тулово, отблескивающее металлом, вместо ног какие-то вращающиеся хрени, голова безглазая, квадратная... Или это такой шлем? Рук у мутанта тоже не было, правда, имелись прямо на груди три полые палки, похоже, тоже железные.

Тварь остановилась, увидев Севера, подняла отросток, торчавший в середине груди, отчего тот замигал интенсивнее, запульсировал прокатывающимися волнами света.

«Опасность!» – пронеслась отчаянная мысль, и все, что Север успел, – махнуть рукой перед створкой, за которой прятались мутанты, чтоб та сомкнулась, и прыгнуть в дверной проем напротив, только что открытый на всякий случай. При этом он успел заметить, как отросток на груди демона раскаляется до слепяще-белого света, и изнутри через палку вырывается сияние. Шаровая молния?

Инстинкт самосохранения заставил Севера упасть, накрыть голову руками и зажмуриться – и в этот момент полыхнуло. Метаморфизм забил тревогу, сигнализируя о повышении температуры, и предложил усилить кожный покров огнеупорным покрытием. Лука согласился не думая. Способность в считанные мгновения поглотила часть напольного покрытия и пустила полученный материал в ход.

Грянул взрыв – комнату заполнило слепящим светом, вспыхнули разбросанные по полу ящики, и помещение заволочло черным едким дымом. Север никогда не видел ничего подобного, мутант будто умел плевать шаровыми молниями. А вот Эск'Онегут – видел, и его знания выплыли из глубин тысячелетней памяти: Север понял, что эти палки на груди – оружие, и тварь в коридоре не живая. Вникать в подробности не было времени, следовало уничтожить опасного монстра, и Север бросился в коридор навстречу новому противнику.

Он петлял из стороны в сторону, но «демон Двурогого» как-то его обнаруживал и выпускал молнии поменьше, которые взрывались при столкновении с телом. Боль была отключена, усиленную кожу просто пощипывало, когда ее обтекал огонь. Север продолжал движение.

Сообразив, что разряды не причиняют противнику вреда, монстр начал плевать железом. Когда до проклятой твари осталось три локтя, Север прыгнул, на лету превращая обе руки в клинки с мономолекулярными лезвиями, ударил крест-накрест, снося твари башку. Она стукнулась о стену и покатила по полу, гроыхая, как жестянка. Но кровь не хлынула, потому что из раны вместо сосудов торчали тонкие железки, толстые цветные нити и полые трубки.

«Неживое. Робот. Искусственный организм», – пульсировало в голове Луки, но полностью не осознавалось.

Тварь собралась поворачиваться, и Север заработал клинками, распарывая стальную спину монстра, кусками срезая железную плоть.

Когда энергия Колеса закончилась, разрубленная тварь была еще жива и неуклюже пыталась развернуться к Северу, который пяtilся, не сводя с нее глаз и вслепую пытаясь открыть ближайшую дверь. В корпусе монстра зияли глубокие разрезы, откуда вырывались грозвые разряды, он утробно урчал, вращал ребристыми конечностями, похожими на колеса, и тыкался в стену. Наконец, Север добрался до боковой двери, открыл ее, одной ногой переступил порог, наблюдая за тварью, не в силах понять: стоит ли бежать или она уже неопасна.

Заурчав, как почуявший кровь мертвец, монстр отъехал от стены, издал протяжный свист, разогнался и понесся к серебристой двери лифта, не собираясь тормозить.

Сообразив, что сейчас будет, Север закрыл дверь, упал на пол и откатился в дальний угол. Сперва трянуло, потом последовал оглушающий взрыв, и по стене пробежала волна, выгибая ее внутрь, но материал выдержал, хоть и подернулся дымящимися трещинами. Поняв, что ему приходит конец, монстр покончил жизнь самоубийством, решив прихватить врагов с собой, вот только ничего у него не...

Очки Тсоуи: +2. Текущий баланс: –14.

Поднимаясь, Север улыбнулся. Смерть твари гармонизировала вселенную, за что Колесо наградило его аж двумя очками! Неудивительно, такое кошмарище явно напрямиком из логова Двурогого!

Интересно, тварь была одна или есть и другие? Если второе, то это прекрасно: можно их убивать и выводить баланс в плюс, благо энергия Колеса стала быстро восстанавливаться. Последнее Север связал с действием вина и увеличением баланса очков Тсоуи. А может, под землей проклятие Двурогого теряло силу...

Выгнутая в комнату дверь не открылась, когда Север коснулся ее, пришлось делать надрез отращенным клинком и протискиваться в коридор, затянутый едким дымом. Метаморфизм оповестил о недопустимой концентрации смертельно опасного угарного газа и предложил отрастить воздушные фильтры. Лука согласился, внутри защекотало, способность же занялась нейтрализацией проникшего в организм газа.

Белые стены закоптились и местами оплавившись, светильники больше не работали, и воцарилась тьма. Из темной глубины коридора, из того места, где самоубился монстр, доносился грохот – запертые мутанты рвались на волю, но не могли открыть дверь. Север активировал ночное зрение, но черное пространство перед глазами залило красным: после взрыва коридор был горячим, если бы вовремя не спрятались, мутанты поджарились бы заживо.

Север вслепую пошел на звук, остановился напротив стены, о которую мутанты колотили чем придется, из-за толстой перегородки доносились их приглушенные возгласы, собрался делать надрез, но вспомнил про угарный газ.

Прежде чем вытаскивать соратников, нужно найти пути отступления, иначе мутанты надышатся и отравятся, да и после драки может не хватить энергии, чтобы их вылечить.

Север рванул в конец коридора к рассеянному свету, замедлился у дверного проема, откуда пару минут назад вылез агрессивный монстр. Если появится еще один, Север с ним не справится. И тут впервые память странника вступила в конфликт с опытом Луки. Сам он видел монстра, внутренние же ощущения говорили, что это машина, такая повозка, которая самостоятельно ездит и стреляет, и штука такая называется робот.

За порогом находилась площадка, локтей десять в окружности, откуда вверх и вниз вела лестница с широкими ступенями, напоминающими полки. Черный дым стелился по полу, будто решая, поползти ему наверх или все же вниз.

К мутантам Север вернулся тоже бегом, к тому моменту они ломались уже без прежнего азарта. Через трещины в стене к ним мог просачиваться угарный газ, а значит, надо было поторопиться. Не теряя ни секунды, он сделал длинный надрез на двери, разомкнул створки, используя руки с иридиевыми костями как рычаги, и скомандовал мутантам:

– Делаем вдох, задерживаем дыхание, бежим на свет. Вдохнете дым – помрете.

Первым из проема ломанулся Сахарок, за ним вылез лохматый Фург, с трудом протиснулся отчаянно кашляющий четырехрукий Йогоро, подталкивая его в спину, вырвался Жаба, следом засеменял перекошенный Скую. Еще должен быть нюхач, бочонок Зэ.

– Зэ, ты там? Поторопись! – позвал Север.

Мутант не ответил.

– Хана ему, надышался, – откашлявшись, крикнул Жаба с другого конца коридора. – Я проверял.

Север пролез в комнату, подхватил бездыханного Зэ, лежавшего на животе ротовой щелью в пол, с помощью метаморфизма нейтрализовал в его организме угарный газ, протолкнул мутанта в коридор и, как ребенка, на руках потащил к выходу.

На относительно безопасной площадке положил Зэ на ступени лестницы, подальше от дыма, обмякшее тело перекатилось набок, и из ротовой щели на животе вывалился синеватый язык.

– Жаль малого, – вздохнул Жаба. – Кирдык ему...

Йогоро шумно поскреб лысую, как яйцо, голову и выпятил губу, положив руку на плечо пригорюнившегося Скую.

– Я сам чуть не окочурился, – прохрипел Фург, закашлялся и сплюнул.

Смерть товарища так расстроила рейдеров, что они не спрашивали ни о взрыве, ни о том, что за тварь на них напала, только чужой для них Сахарок озирался и прислушивался, проверяя, не вылезает ли из засады еще один монстр.

Каково же было всеобщее удивление, когда Зэ хрипнул, втянул порозовевший язык и закашлялся.

– Йо-ба... – протянул Сахарок.

Мутанты из бывшего рейда Гекко одновременно повернулись к Жабе, тот попятился, выставляя перед собой руки, у него задергался глаз.

– Тля буду, он не дышал, сердце не билось... – забормотал чешуйчатый.

– Ах ты ж тр-р-русливая подстилка! – прорычал Фург, наступая на Жабу. – Ты нарушил Первое правило...

Что за Первое правило Пустошей, Север вспомнил мгновенно: «своих не бросать», – и рявкнул:

– Прекратить! Жаба не виноват. Зэ и правда не дышал и был почти мертв, я его откачал.

Фург опустил руки, зыркнул на Жабу, пробормотал извинение. К тому моменту Зэ, пошатываясь, сел на широкой ступеньке, свесил ножки и просипел:

– Жрать хочу! Ща сдохну, так хочу!

Котомка, куда Север собрал бутылки вина и свертки с вяленным мясом, обнаружилась у Йогоро в целости и сохранности. Вынув несколько кусков мяса, Север отдал их Зэ, который тут же с чавканьем проглотил угощение. Йогоро похлопал по спине своего нового верховода.

– Видите, я не зря утащил его от пожирателя. Север свой! Он реально по чести поступил!

– Реально, нереально, – проскрипел Сахарок, – а валить отсюда надо. Жрачки нет, воды нет...

– Ага, – Жаба кивнул на котомку в руках Севера, – вот этого Зэ хватит до утра. Кстати, а с демоном че, с Алямом этим? Мож, скормить его Зэ, кароч? Он съедобный, не? – Жаба вскочил и завертел головой, шепча: – Инвазион! Еще же и он где-то есть!

– Поблизости нет, – утешил его Север. – Алям твой железный и несъедобный, плюется молниями! Я его покрошил, и он взорвался, как переспевший тассурийский арбуз! Только еще и огнем полыхнуло! Вот все и разнесло...

Настал момент решать, что делать дальше. Варианта было два: уходить по тоннелю, пробитому червем, или исследовать это странное место. Если уходить, нет никакой гарантии, что такой лаз в земле один, и велик риск заблудиться, к тому же Север видел в инфракрасном спектре, но не в абсолютной темноте, а в тоннеле все сырое и нет источников тепла. Второй вариант предполагал вероятность нарваться на Инвазиона, но сулил добычу мутантам, а Север мог поправить баланс очков Тсоуи.

Он озвучил варианты и предложил порыскать по окрестностям в поисках чего-нибудь полезного. У всех, кроме Зэ, от предвкушения наживы загорелись глаза, особенно радовался Сахарок. Зэ шумно выдохнул и сказал:

– Плохое место, мертвое. Мы тут подохнем. Инвазион...

У Сахарка вытянулось лицо, водянистые глаза чуть не вывалились из орбит:

– Точно, Инвазион тут есть.

– Да тебя трогать даже ему противно, – скривился Йогоро и отступил от сутулого.

– Да, надо бы прошвырнуться, – поддержал Севера Йогоро. – Вдруг что полезное найдем! Да тут добра должно быть завались!

– И артефактов, – потер руки Жаба, снял с себя рубаху, протянул Северу и стыдливо отвел взгляд: – На, вот, оденься, а то голый совсем.

Только сейчас Север понял, что старая одежда сторела, когда робот в него выстрелил, разорвал рубаху на две части, из одной смастерил набедренную повязку, вторую отдал на хранение Йогоро.

– Да пусть бы так и ходил, – прокомментировал Сахарок. – Монстры увидят – ва-а-а! – жажать-пыхарь! И врассыпную.

Смех его напоминал скрежет несмазанных дверных петель. Веселья никто не разделял, по лестнице поднялись молча и по очереди: Север, Йогоро, за ним Фург, Скую, Сахарок, Зэ, замыкал Жаба.

И снова длинный коридор, такой же, как был ниже: ослепительно-белый, с овальными дверями вдоль стен. Светильники на потолке давали трепещущий, какой-то нервный свет.

Север вспомнил коробки, которые валялись в комнате, где он прятался от робота, наверное, там было много интересного, и тут должно быть. К тому же, пока будут обследовать помещения, восстановится энергия Колеса, и появится возможность убить... то есть вывести из строя другого робота, увеличив баланс очков Тсоуи.

За первой дверью оказалась маленькая спальня, причем с хозяином. Мумифицированный труп в полностью сохранном серебристом костюме растянулся на кровати. Ни следов борьбы, ни повреждений: он будто просто заснул и не проснулся. Воображение Луки тот-

час нарисовало мистическую катастрофу, произошедшую здесь, но опыт странника отогнал домыслы.

– Ты гля – трупешник! – радостно воскликнул Жаба и устремился к прикроватной тумбе, схватил фигурный графин из голубого прозрачного стекла, погладил его. – Ро-о-оскошь! Можно на жарчку выменять. – И запихнул себе в котомку.

Затем распахнул тумбочку, поковырялся там и сделал вывод:

– Тряпки, все в труху.

Йогоро застыл над мумией, уперев в бока все четыре руки.

– Не мутант, не демон. Как есть норм! Здоровенный, выше меня. Ух ты ж, а это что за хрень?

Он поднял с пола продолговатую коробочку с железным усиком и кнопками, повертел в руках, потряс.

– Артефакт! – с благоговением прошептал Жаба. – Дай посмотреть!

Йогоро понажимал кнопки, попытался штуку открыть, разочаровался и отдал Жабe, который сел прямо на пол и принялся ковырять находку.

Сахарок оттеснил Йогоро от трупа, огладил его костюм, подергал, чтобы снять, но тот сидел как влитой, никаких застежек не наблюдалось.

– На фиг он тебе? – пробормотал Фург, пытавшийся открыть шкафы без ручек. – Ты в нем упреешь в Пустошах!

– Обменяю! – Сахарок достал нож, чтобы сделать продольный разрез, но память странника подсказала Северу, как расстегнуть костюм.

Отодвинув мутанта, он нащупал на воротнике плоскую железную пуговицу и потянул вниз. Вжик – и костюм расстегнулся до самого паха. Трясущимися от нетерпения руками Сахарок раздел труп, залез в костюм и чуть в нем не утонул, пожевал губами, свернул непонятное облачение и сунул под мышку. Из кармана выпала железная коническая штуковина, зазвенела, катясь по полу, ее подхватил Скую, покрутил в руке, заглянул в ее широкую часть, закрытую стеклом, постучал, огладил – и как заорет, подбрасывая штуковину, как отпрыгнет!

Из-за стекла ему в морду ударил столб света. Север метнулся в сторону и поймал штуку в двух локтях от пола. Фонарь – пришло понимание. Как газовый, но круче.

Скую упал, накрыв голову руками, Жаба последовал его примеру, но ничего страшного не случилось, и они поднялись, а Север нажал кнопку на ручке фонарика, и свет погас.

– Полезная штука, как факел. Держи, Йогоро, положи в карман и береги.

Скую пожевал губами, видимо, желая оспорить право обладания вещью, но передумал.

– Интересно, чего он умер? – проговорил Жаба, кивая на труп.

– Ясен пень, – булькнул Зэ. – Проклятие Двурогого! А ваще странное жилище.

– Не-е, – замотал головой Жаба и проговорил заупокойным голосом: – Это ловец снов – то ли мутант, то ли дух, который приходит к спящим и выпивает жизнь...

– Тьфу на тебя, сказочник! – Фург сплюнул под ноги.

Север вспомнил рассказ кхара о ракантах и их технологиях. Тут точно не обошлось без людей с большой земли, а почему база брошена и отчего погибли люди – можно голову сломать и не догадаться. Но как Север ни старался отгонять дурные мысли, ему здесь было не по себе, постоянно чувствовался чужой взгляд, словно неупокоенные духи следили за ним.

– Его завалил Инвазион, – прошептал Жаба и заозирался.

Север выдвинул другое предположение:

– Нет, скорее он был хозяином Аляма. И Инвазиона, если тот, конечно, есть. Идемте дальше, тут ничего интересного, а помещений много.

Обследовав еще три спальни, нашли три трупа, причем один с длинными белыми волосами, вероятно, женский. Даже она была выше Йогоро, но, посоветовавшись, мутанты пришли к выводу, что покойники – нормы.

Сахарок раздевал мертвецов, сетуя, что на них нет золота, снимал костюмы и браслеты, остальные набивали котомки стеклянной посудой. Луке вспоминались императорские покои, хрусталь и серебро, а потому ажиотажа он не ощутил. В отличие от мутантов, которые, наверное, пьют и едят из глиняных чашек и тарелок, и стекло кажется им драгоценностью.

Дальше начинались двери не белые, а серые, Север открыл ближайшую и отшатнулся: в тускло освещенном помещении на стене были подвешены блестящие стальные люди. Мутанты бросились врассыпную, но атаки не последовало.

– Держитесь подальше! – скомандовал Север и переступил порог, готовый в любой момент активировать боевую форму.

Их было шесть. Они находились в углублениях и напоминали чучела на стене охотника. Две руки, две ноги, грудные клетки распахнуты, а внутри – ничего. Головы тоже пустые. Кто же их выпотрошил и зачем? Стоило подумать, как пришли знания: это экзоскелеты – как доспехи, но более совершенные, их создали люди, чтобы стать сильнее. Снимать и мерить их Север не стал, та же память странника подсказала, что, скорее всего, они уже негодные.

– Опасности нет! – прокричал он, но мутанты войти так и не рискнули.

Следующее помещение оказалось складом, снизу доверху заставленным коробками с бесполезными на первый взгляд железными штучковинами неясного назначения. А вот в ящиках побольше хранились непонятные вытянутые трубки с утолщениями на концах, усеянными кнопками. Похожая палка была на груди у робота.

Пока мутанты потрошили склад в надежде найти что-то полезное, Север взял такую штучку, и она удобно легла в руку. На ней имелся крючок, как на арбалете, и вообще было понятно, что это нужно носить в руке, но зачем?

Метаморфизм ему ответил или Колесо, Лука так и не понял, но ответ на вопрос проявился во вспыхнувшем тексте:

Сканирование...

Анализ...

С вероятностью 99,98% объект представляет собой дистанционное оружие.

С вероятностью 99,99% предположительный принцип действия основан на выстреливаемом заряде, состоящем из ионизированного газа, разогретого до состояния плазмы. Заряд разгоняется линейным электромагнитным полем в направлении цели...

Половины слов Лука не понял, но выручило воспоминание из наследия странника: он держит очень мощное плазменное ружье, плазмоган, которое плюется раскаленными сгустками огня, как робот!

Луку осенило: если взять несколько таких штук, то армию Рециния можно разнести за полдня! И никто его не остановит. Мысль так взволновала Севера, что кровь зашумела в висках, а в горле стало горячо.

Едва не затоптав Сахарку, сидящего на корточках и грызущего блестящий серебристый диск, Север вышел в коридор, прицелился в арочный проем впереди, куда они еще не дошли, и, прищурившись, нажал на спусковой крючок. Плазмоган в руке ожил, по его поверхности побежали огоньки, но почему-то быстро потухли, остались лишь мигающие светом непонятные символы. Что-то он сделал не так.

В этот раз память Эск'Онегута не помогла. Пытаясь выстрелить, Север чего-то не учитывал. Он перепробовал все и пришел к выводу, что ответ в символах, объясняющих, в чем причина, а он их не понимает. Ясно одно: плазмоганы нужно брать с собой, и чем больше, тем лучше! Вынести на поверхность, спрятать в безопасном месте и искать того, кто в них разбирается... Кого-то из большого мира! Эх, была бы рядом Гердиния, может, она подсказала бы... Ее муж, Антоний Кросс, скорее пошлет Севера прямиком на плаху, а вот кхар Терант, с

которым он сидел в тюрьме... Он наверняка способен помочь, если, конечно, еще жив и Лука сумеет его найти.

Фург высунул мохнатую голову в коридор.

– Чего там, верховод?

– Штуку нужно забрать с собой, – ответил Север, показывая плазмоган.

– На кой? Это что вообще?

– Наша победа.

Пока Север проверял новое оружие, мутанты откопали горы странных штук, по большей части блестящих, и, сев кружком, передавали друг другу серебристый диск чуть меньше тарелки.

– А я говорю – серебро! – с придыханием прошептал Сахарок, в стороне набивающий дисками серебристый костюм.

– В жопе у тебя серебро, – Йогоро швырнул диск об стену. – Бесплезный хлам. А ты как думаешь, верховод?

– Йогоро прав. А тебе, Сахарок, придется на время дать нам костюмы, чтоб использовать их как сумки.

Поджав губы, мутант отдал сверток Северу, и тот принялся набивать один из костюмов плазмоганами.

– Жрать хочу, – заявил Зэ, требовательно уставился на Севера и прошелестел: – Плохое место, тут везде смерть.

И ведь правда, база напоминала издохшего исполина, а внутри у него копошился рейд мутантов. Мертвые люди, мертвые железные экзоскелеты, миллион вещей, о назначении которых умерла память, и еще что-то огромное, смертоносное, отдающее сыростью и тленом, но пока невидимое.

За арочным проходом был просторный обеденный зал. До этого, если бы не налет пыли, все коридоры выглядели ухоженными, будто люди оттуда не уходили, а здесь царил хаос: потолок вогнут, через поросшую плесенью трещину капает вода, растекаясь в настоящее зеленоватое озеро. Проклятие Двурогого! Метаморфизм, долгое время не напоминавший о радиации, возопил, что фон тут превышает норму в сотню раз, и Север сообразил, что там, внизу, излучения не было, потому хватило энергии не только излечить мутантов, но и расправиться с роботом.

Столы были перевернуты, осколки посуды разбросаны по полу, по стене тянулась черная ветвистая трещина, похожая на молнию.

– Вода! – прошептал Жаба, облизнулся раздвоенным языком и рванул к луже, но Север схватил его за шкуру.

– Стоять! Она ядовитая. Сдыхать будешь долго и мучительно, выплевывая кишки.

– Да что там?

– Проклятие Двурогого, сама его суть. И никакая иммунка тебе не поможет...

– Да чего ты распинаешься, верховод? – ядовито поинтересовался Сахарок. – Дал команду – все, пусть выполняет. Не его дело вопросы задавать.

Захрустели осколки под ногами Фурга и Йогоро, устремившихся искать ценные, на их взгляд, вещи. Перекошенный Ску улыбнулся поднятой вилке, проверил ее на зуб.

– Тут опасно, – скомандовал Север, – уходим.

И рейдеры потопали за ним, по пути подхватывая кухонную утварь и распахивая по карманам.

В темном углу за нагромождением перевернутых столов валялся вышедший из строя робот, такой же, как тот, что атаковал рейд возле лифта. Север не удержался, замер, чтобы получше его рассмотреть: грудная клетка почти как у человека, из нее торчат плюющиеся молниями палки, башка квадратная, не голова даже, а ящик, ну а ноги... скорее колеса.

– Подох Инвазион, падла! – радостно воскликнул Сахарок и со всей дури пнул робота, взвыл, ударившись, запрыгал на здоровой ноге. – У-у-у-у!

– Как есть он странный, – пробасил Йогоро. – Ин-ва-зи-он.

– И несъедобный, – подтвердил Зэ, слюнявящий робота ротовой щелью на брюхе.

– Уходим, – повторил Север и зашагал прочь.

– Мы богатые теперь – ваще, как бароны, – бормотал идущий позади Скую. – Йогоро, мы харчеваться будем вилками! Железными, как шаманы.

– Тебе Санита все равно не даст, даже за вилку, – прогудел Фург.

– А это мы еще посмотрим! Прикинь, придет она ко мне, а я ей крысу запеченную принесу на серебряном диске! Как королеве!

– Она скорее Жабе даст за кувшин, – буркнул Йогоро. – Хорошо, мне и так дают, руки-то у меня четыре.

– Вот если б четыре члена было! – хохотнул Фург.

Север шел первым, вертя головой по сторонам. Чем дальше уходили от столовой, тем больше снижалась радиация и тем проще приходилось метаморфизму. Очередной коридор закончился округлой площадкой, откуда тянулись два закрытых хода, и надо было решать, куда двигаться дальше.

– Направо пойдешь – башки не снесешь, – продекламировал Жаба. – Налево пойдешь – без ног уползешь.

– Прямо пойдешь – стену долбанешь! – радостно досочинял Скую. – Нет чтобы налево – жратвы припасешь, направо – добро подберешь. Все у тебя, Жаба, ужасы и сопли сплошные.

Север положил руку на дверь, что справа, она распахнулась, и заскрежетало, заверещало уже знакомое «Алям! Инвазион!»

– Все назад! – скомандовал Север. – Дверь закрыть!

– Твою ж налево! – вздохнул кто-то, и его вздох утонул в шелесте хлопающих створок.

Север решил принять бой. Переступил порог и, закрыв вторую дверь и распахнув боковые, устремился навстречу роботу. «Демон Двурогого», как верный пес, охранял осиротевший, оставленный хозяевами дом. Лязг шагов заскрипел в тишине, и вскоре к нему добавился скрежет приближающегося робота. Коридор был недлинным, и Север прильнул к стене у арочного выхода, ожидая противника. Теперь он знал, как нейтрализовать цель минимальными усилиями.

Едва силуэт появился в проходе, Север отрастил клинок с мономолекулярным лезвием и точным взмахом отсек плазмоганы на груди робота. Подпрыгнул, разрубил его пополам, и противник, истекая белым огнем, начал разваливаться на две части. Север не успел откатиться и запрыгнуть в боковую комнату – агрессивный механизм взорвался, изливая плазму, прокатывающуюся по коридору всепожирающим жаром.

Усиленная кожа выдержала, хоть метаморфизм и вопил о несовместимом с жизнью повышении температуры окружающей среды. Лежа на раскаленном полу, Север дал добро на восстановление, поплелся к распахнутой двери, ввалился в боковую комнату, где было попрохладнее. Процесс восстановления оборвался на середине из-за недостатка питательных веществ, запас энергии Колеса ушел в ноль.

Если бы метаморфизм боролся еще и с радиацией, Север не выжил бы, он и сейчас был полудохлым, и ему следовало как можно быстрее добраться до котомки Йогоро, выхлебать бутылку вина и съесть вяленого мяса – пополнить запас минеральных и органических веществ.

Единственное, что радовало:

Очки Тсоуи: +2. Текущий баланс: –12.

Дверь, за которой была круглая площадка, покорежило взрывом, и она не открылась от прикосновения, а энергии Колеса не хватало, чтобы отрастить клинок и распахнуть ее. Благо створки вогнуло внутрь, и между ними зияла щель, откуда лился рассеянный свет. Север попытался раздвинуть ее пальцами, но не хватало сил, он едва держался на ногах, а метаморфизм сигнализировал о том, что высокая температура запустила механизмы распада и, если не пополнить запас питательных веществ, через две минуты наступит смерть.

В проем удалось засунуть руку, но дальше створки застопорились намертво. Таймер начал обратный отсчет секунд, Север упирался изо всех сил, пытаясь протиснуться, но ничего не получалось.

– Эй, скорее сюда, – позвал он, но мутанты его не слышали, ведь площадка пустовала, а они укрылись за еще одной дверью. Мысли панически заметались.

Север дал команду еще усилить скелет, рассчитывая, что метаморфизм впитает железо, из которого сделана дверь, но она была изготовлена из другого материала, а он не годился.

До начала распада 20... 19... 18...

Цифры менялись, зависнув на периферии зрения. Север не переставая ругал себя за неосторожность. Надо было поостеречься, а не лезть на рожон! 12... 11...

Но тут медленно-медленно открылись створки второй двери за площадкой, разделяющей коридоры, в проеме замаячила морда Фурга...

– Дайте вино! Быстро! – проорал Север. – Не успеете – сдохну!

Бутылка оказалась в протянутой руке за четыре секунды до конца, Север пальцами раздробил горлышко. Он пил жадно, захлебываясь, и то, что не попало в рот, впитывалось через кожу.

– Пресвятая мать, – проскрипел Сахарок, – он весь обугленный... Нет у нас больше верховода!

– Заткнись! – рыкнул Фург. – Дал бы в бубен, но трогать тебя противно.

Метаморфизм мгновенно утешился, переработал вино, впитал даже стеклянную бутылку, и Север, тяжело дыша, привалился к стене. Когда немного отошел, опять протянул руку в проем.

– Теперь пару кусочков мяса, и я в порядке.

– Эй, ты превратился в Зэ? У тебя теперь, как и у него, алчба?

Ожидая, когда процессы восстановления завершатся, Север с тоской думал о брошенных в Пустошах трупах пожирателей – столько ресурсов пропало! Даже о мертвом Тряпке вспомнил и о мумифицированных телах хозяев базы, в которых наверняка сохранилось много полезных микроэлементов. При этой мысли передернуло... Но он истощен, у него почти нет запасов органических ресурсов, и метаморфизму сложно выполнять свою функцию.

Некоторое время Север не проявлял признаков жизни, а мутанты его не трогали. Когда же он встал и со скрежетом раздвинул-таки створки двери, все, кроме Сахарка, аж затанцевали от радости.

На губах Йогоро появилась простецкая улыбка.

– Ты гля! Живой! В огне не горит. Ты железный, что ли?

– Север Железный! – забулькал Зэ. – А я жрать хочу!

Йогоро, ответственный за котомку с едой, выдал ему кусок мяса, а Северу вторую половину рубахи для набедренной повязки и сказал:

– Всего три шмата осталось.

– Дай мне еще один и вина, а потом идем искать выход.

Запасенного метаморфизмом должно было хватить еще на пару сражений.

Мутанты нагрузились скарбом и поковыляли по коридору, покрытому слоем такой же черной копоти, как и тело Севера.

– Хреново, мечей не нашли, – пожаловался Жаба. – Слышал я, кароч, что есть такие мечи, что железо только так рубят. А еще, что есть приبلуда, которая гвоздями плюется и насквозь пробивает! Вот бы нам такую.

– А про летающих железных птиц ты не слышал?

Жаба не уловил иронии в голосе Сахарка и радостно согласился:

– Да! Говорят...

– Говорят, чинилий доят! – хохотнул Скую. Бедолага набил костюм до отказа и повязал его на спину как рюкзак: рукава и штанины спереди и под мышками, – отчего еле шевелил ногами, но был в прекрасном настроении. – Братцы, а может, мы того... Ну, на Сокровищницу наткнулись? Что думаете?

– Ты че, как Жаба? – фыркнул Йогоро. – Это он у нас мастак по сказкам да небылицам. И потом, все знают, что Алям и Инвазион охраняют путь к Двурогому, и раз так, то тут, скорее, не Сокровищница, а...

– Проклято это место! – перебил Зэ.

– Ну да, типа того. Ангелами тут не пахнет.

– А вы откуда про Аляма и Инвазиона знаете? – поинтересовался Север.

Загомонили все одновременно, тема была животрепещущая, каждый рвался поделиться знаниями. Их рассказы хоть и разнились деталями, но сходились в одном: в горах недалеко от Убежища тоже есть некие секретные тоннели, доступ куда запрещен всем, кроме шаманов и жрецов. Там-то и обитают Алям и Инвазион.

Миновав место, где взорвался робот, на лифте поднялись наверх и вышли в огромный круглый зал, раз в десять больше императорского, где проходили балы, с куполообразным потолком. В потолке имелось три круглых задраенных люка. В середине зал резко обрывался, обвал был локтей десять в ширину, а на той стороне виднелось возвышение с двумя креслами напротив очень странных столов, слившихся друг с другом. К помосту вели переброшенные через обрыв железные лестницы, шесть штук.

– Чтоб мне провалиться! – запрокинув голову, прошептал Жаба.

– Э-ге-гей! – проорал Зэ в провал, и его эхо долго носилось по залу вспугнутой летучей мышью.

Жаба на него цыкнул:

– Тсс, монстров разбудишь!

Так они и стояли, не решаясь сделать шаг. Север сосредоточился на этом месте, представил его во всех подробностях и получил ответ: они находятся в командном пункте подземного бункера. Такие помещения делают, чтобы прятаться от взрывов. Непонятные слова обросли деталями: этот зал – как зал совета в императорском дворце, отсюда можно командовать роботами и людьми.

– Не вижу я тут никаких богатств, – поводя плечами, сказал Жаба, и у него задергалось веко. – Давайте уже отсюда валить на поверхность.

– Не видишь, потому что трясогуз! – радостно воскликнул Йогоро и направился к обрыву. – Если поискать, можно и найти!

Он не сделал и пяти шагов, как в стенах открылись люки, оттуда высунулись палки, нацелились на мутанта.

– Назад, – заорал Север, ударил по кнопке, – все в лифт!

Приученный ходить по лезвию, Йогоро среагировал мгновенно: когда замигали красные светильники и противный голос призвал Аляма и Инвазиона, он уже несясь к лифту, а за ним гнались выбитые в полу дорожки от гвоздей, которыми плевались те палки. «Турели» – всплыло из глубин памяти. Прежде чем двери закрылись, несколько таких железок впились в обшивку между Жабой и дернувшимся Скю, и стало ясно, что это скорее крупные железные горошины, чем гвозди.

Думая, что пробудившиеся монстры будут их преследовать, мутанты ломанулись прочь мимо взорвавшегося робота, где чуть не погиб Север. Только в разгромленной столовой Зэ остановился и прохрипел:

– Жрать хочу – ща сдохну.

– Потерпи, мы отсюда уходим, – сказал Север. – Скоро будет много еды.

Он очень надеялся, что, начав выбираться по тоннелю, прорытому червем, они встретят менее опасных беспозвоночных и каких-нибудь насекомых, тех же чинилий, которыми можно будет пополнить запас питательных веществ. Зэ с Жабой, судя по всему, насекомыми тоже не брезговали.

Всю дорогу Север ломал голову над тем, кому же принадлежала база и сколько тут осталось оружия, пригодного для грядущей войны с Рецинием.

Единственной сложностью на пути назад стал поврежденный взрывом лифт. Север прорезал дырку в его дне, чтобы спуститься по тросам, а поскольку Скю и Зэ тащить свою поклажу не могли (нюхач так и вовсе был не в состоянии пользоваться тросом из-за слишком коротких конечностей), Северу пришлось делать несколько ходок: спускать нюхача, а потом пожитки Скю.

Не дожидаясь остальных, Север вышел в совершенно черный коридор и включил фонарик – оранжевый луч прорезал мрак, высветил серые стены, железную палку в вогнутом полу, «монорельс», осколки бутылок, лужицы вина, а вот трупа Тряпки не было – видимо, здесь все-таки водились хищники.

Мутанты столпились за его спиной, глядя в черноту. Они переминались с ноги на ногу, отчего вязкая почва хлюпала и чавкала.

– Если эта штука у тебя погаснет, нам жопа, – вздохнул Жаба. – Накроемся ею!

– Тебе давно жопа, – сказал Фург. – С такой-то рожей...

– Да он сам жопа ходячая, – проскрипел Сахарок, но его все проигнорировали.

– Что делаем, Север? – спросил Йогоро.

Лука очень надеялся, что скоро выберется отсюда, ему не терпелось увидеть Кору, освободить ее и отправить в безопасное место. Он посветил вперед, взгляделся в даль тоннеля.

– Я не знаю, сколько проработает эта штука, так что шевелимся! Я свечу вперед, запоминаем дорогу, затем бережем фонарь и идем в темноте. Все, ходу!

Сказав это, Север сделал первый шаг и понял, что не может оторвать подошвы. То же самое случилось с остальными, и первым забил тревогу Жаба:

– Братцы, е-мое, я застрял!

– Итить-колотить! – выругался Йогоро. – Я по колено в этой хрени, что это?

– Вообще ног не чувствую... – растерянно произнес Фург.

Север, тоже не чувствуя ног, осветил их и увидел, что он и остальные по колено завязли в жирной пузырящейся массе.

– Инвазион! Шуцбиомассе активиет! – донеслось из другого коридора. Все тот же металлический голос, казалось, приобрел оттенки эмоций и говорил злобно. – Инвазион! Шуцбиомассе активиет!

– Мамошки... – пролепетал Сахарок. – Новые демоны! Зуб даю, это заклинание призыва!

– Точно, – впервые согласился с ним Скю. – Инвазион-то жив, получается! Вот и зовет подмогу, тварь!

Глава 6. Мертвый Глаз

– Не могу дышать! – прохрипел Сахарок и с головой ушел в трясины.

Тонуций Йогоро шлепал по субстанции четырьмя руками и извергал ругательства. Чуть дальше раненым медведем ревел Фург. Север и сам на пару мгновений поддался панике, ведь это была не обычная трясина, его будто кто-то утаскивал на дно, топил. Потому он поначалу задержался, стараясь вылезти, и лишь потом, когда обратил внимание на мельтешащие строчки логов, понял, что сорвал джек-пот.

Опасность! Зафиксирована враждебная среда!

Обнаружена агрессивная биологическая масса!

Обнаружена попытка поглощения носителя!

Анализ противодействия... успешно!

Активация мембранного токсина!

Активация поглощения органических материалов!

Активация преобразования тела носителя!

Метаморфизм, будь он человеком, станцевал бы туафскую джигу, празднуя столь долгожданное пополнение резервов, без которых невозможно было произвести ряд необходимых Луке преобразований.

Мембранный токсин выброшен. Биологическая масса нейтрализована!

Жирная, бурая в свете фонаря жижа перестала пузыриться и начала светлеть и прощипываться, словно Лука вытягивал из нее все органическое, оставляя лишь воду.

– Чувствую ноги, братва! – обрадованно сообщил Скую. – Ох... Йо-ба, кожу на них будто кипятком облили!

Чувствительность вернулась и к остальным, о чем свидетельствовали хоровые стоны.

– Йогоро, проверь Сахарка! – велел Север, направив луч фонарика чуть правее мутантов, чтобы им было видно, где искать.

Теперь, когда опасность миновала, отсюда нужно было выбираться, но хотелось вычерпать из жижи все, ведь неизвестно, что ждет через пять минут и сколько понадобится ресурса, чтобы справиться с трудностями. Он ощущал, как тело обрастает массой, как начинают бугриться мышцы и быстрее стучит сердце.

Тем временем четырехрукий мутант ушел с головой в субстанцию и вскоре вынырнул с безжизненным телом Сахарка. Этот член группы Северу не нравился, но все же был своим, а своих бросать нельзя. По пояс в грязи, теряющей плотность на глазах, Север добрался до Йогоро и положил ладонь на сморщенный лоб Сахарка. Мутант был жив, но нахлебался биоактивной дряни и потерял сознание.

Север набрался сил, и метаморфизму не стоило труда привести Сахарка в чувство – тот дернулся, едва не вырвавшись из рук Йогоро, закашлялся, и его вывернуло слизью.

– Поднимаем вещи и уходим туда, – Север указал направление лучом фонарика.

«Драгоценностей» нагребли целую гору, все было сложено в серебристые костюмы, нацепленные как рюкзаки. Вещи набрали воды и отяжелели, потому, топая в темноте, мутанты охали и стенали под весом добычи.

Лука же все ломал голову над тем, кому могла принадлежать база, и не находил ответа. От чего умерли ее хозяева, он тоже не знал, и это раздражало. Он буквально физически ощущал, что в глубине его разума хранится огромный пласт знаний, где есть ответы на все вопросы, он даже может протянуть руку и пощупать некоторые... и не понять. Или понять не до конца и принять на веру, как с проклятием Двурогого. Как там было в логах? *Радияция?*

С назначением предметов проще, Лука посылал запрос, в ответ приходила последовательность действий – так он разобрался в том, что такое лифт и как он работает. А вот что касается сил, управляющих лифтом, тут уже у Луки не было знаний и опыта, на которые можно опереться, и он не понимал, что за процессы заставляют кабинку взлетать и опускаться, а плазму зарождаться в оружии. В нюансах в общем-то понятных алгоритмов он тоже не всегда разбирался, потому не сообразил, почему у него не работает плазмоган.

Единственный способ использовать пласт памяти – получить базовые знания, а такие есть только у ракантов. Пока Лука не планировал с ними контактировать: нужно было вызволять Кору и возвращать трон, чтобы навести порядок в Империи. А для этого требовалось сначала дойти до Убежища.

Что касается использования богатого наследия Эск'Онегута... Лука представил перед собой огромное пространство, забитое безграничным множеством переполненных книжных полок. Поди попробуй найди именно то, что нужно! Знания всплывали, только если появлялся конкретный запрос и нужда в информации.

«Что такое вселенная?» – наугад задался вопросом Лука и не понял ничего, кроме того, что она беспредельна. Его мозг не смог даже осознать этого. Как беспредельна? У всего есть границы!

Если вопрос касался поведения людей, было проще: во все времена разумные этого вида, находящиеся на определенной ступени развития, поступали по заданной схеме, исходя из собственной выгоды, – тут совокупного опыта и знаний самого Луки, покойного Маджуро и Эск'Онегута хватало, чтобы разобраться.

Из этого же опыта Лука сделал вывод, что тащить плазмоганы и прочее к шаманам нельзя ни в коем случае! Если о подземной базе поползут слухи, они рано или поздно дойдут до Рециния и Антония. Лучше придержать ее для себя, как и плазмоганы.

Некоторое время топали по тоннелю с монорельсом, Зэ жаловался на голод, и Север скормил ему последние куски мяса. Зато вскоре вклад оправдался: нюхач принялся носиться по тоннелю, шумно втягивая воздух.

– Чую тепло! Уже близко!

Утомленные морально и физически мутанты молчали. После очередного перехода в темноте Север включил фонарик, и луч вдалеке выхватил кучу земли. Первым туда рванул Зэ, запрыгал на коротких ножках, указывая наверх, полез по куче, скатился кувырком, весь изгаздавшись в грязи.

Здесь в стене глубинным червем был пробурен еще один тоннель, чуть поменьше бетонного, Север посветил в него и увидел, что он уходит под углом наверх. Мутанты оживились, Зэ повторил попытку восхождения, теперь удачно, Север подсадил его, но первым не пустил, мало ли что там обитает...

– Это здесь! – радовался Зэ. – Близко, тепло!

Север пошел первым, уклон был небольшим, что позволяло двигаться прямо, в высоту тоннель был локтей шесть, и макушкой не цеплялся даже Йогоро.

Попотеть пришлось лишь там, где тоннель резко уходил вверх. Отрастив на руках и стопах шипы, Север взобрался по земляному склону, смоченному слизью, и скинул веревку, помогая вылезти мутантам.

Метаморфизм сразу же предупредил о повышенном радиационном фоне и принялся обновлять и защищать клетки организма, неторопливо расходуя накопленное за счет хищной биомассы.

На поверхности Жаба припал всем телом к серым раскаленным камням, его бил озноб. Перекошенный Скую расстегнул серебристый костюм, приспособленный под рюкзак, принялся перебирать посуду, проверять, не пострадали ли «драгоценности». Сахарок тоже чах над добытым. Зэ заметил мелкую шестиногую ящерицу и погнал ее, Йогоро метнул в рептилию камнем, зашиб со второго броска, и нюхач, не разделявая, отправил ее в ротовую щель и зачавкал. Фург чесался, вычищая из густой шерсти землю.

Это было совсем не то место, где червь заглотил рейд. Здесь было влажно, словно невидимый великан дышал в лицо, привычный выжженный солнцем пейзаж перемежался плоскими темно-серыми кляксами камней и валунов. Большие и поменьше, вытянутые вверх и выпирающие из земли, лишенные острых углов, все они напоминали оплавленные фигуры некогда живых существ. Кто-то окаменел стоя, кто-то – лежа или скорчившись. Раскаленные солнцем камни-изваяния дышали жаром.

Вдалеке за валунами в воздух с шипением выстреливали струи горячего пара. Север оглядел свой отряд и спросил:

– Кто-нибудь представляет, где мы находимся?

Скую поднялся и махнул рукой вперед.

– Нам туда! – осклабился он. – Место называется Гнездо Драконов.

– Жопа драконов! – хохотнул Сахарок, застегивающий костюм, играющий роль рюкзака. Отогревшийся Жаба указал туда, где был пар:

– А это, кароч, из ноздрей драконьих пышет!

Север поднялся, хлопнул в ладоши, привлекая к себе внимание – мутанты все как один вскинули головы.

– Рейдеры, вы жить хотите? – спросил он как можно серьезней.

Сахарок ответил за всех, растянув безгубый рот в гаденькой ухмылке:

– Спросил тоже, верховод! А то!

– Значит, слушайте меня. Никто, ни одна живая душа не должна узнать о том, что мы видели под землей. Усекли?

– Это почему же? – вскочил Сахарок и тут же сел, сообразив, что нельзя противоречить верховоду.

– Просто поверьте, – терпеливо начал объяснять Север. – Будете трепаться, всех нас отправят к Двурогому! Шаманы не потерпят, что мы прикоснулись к их знаниям! Опасным знаниям, способным перевернуть все представление об истории Империи. К тому, о чем желательно забыть. Поняли?

С полминуты все молчали, переваривали услышанное. Наконец, Жаба сказал:

– А че ж мы скажем про все это добро? Откуда оно у нас?

Скую глянул на него, поджав губы.

– Ну ты тупой! Нашли развалины, откопали схрон...

– Вот! Скую сечет, и вы соображайте быстрее, – подтвердил Север. – Теперь нужно перебрать вещи и спрятать опасные артефакты. Показывайте, что у вас.

Оказалось, «опасное», то есть непонятные штуки типа плазмоганов и той кнопочной ерунды взял только Лука, остальные нагребли серебристых дисков, цветной проволоки и посуды с вилками-ложками. Сахарок не мог наглядеться на два стальных ножа, которые точил друг о друга:

– Зырьте, братцы, маленькие, и верхушка закругленная, такой даже Зэ не пробить! Зачем они?

– Мясо резать, – ответил Север. – Что, куда спрячем добро?

– Надо бы найти место поприметнее, – ответил Жаба. – А то, кароч, всякое может случиться. Один мут, помню, насобирал где-то сокровищ и спрятал так, что сам не смог потом найти. Так и сошел с ума, пытаюсь вспомнить, бродил по Пустошам, пока его пожиратели не схарчили...

– Знаю тут одно местечко, можно там спрятать, – задумчиво предложил Скую.

– Тогда ходу! – скомандовал Север. – Движемся к Убежищу. Скую, веди.

Крякнув, с трудом поднялся, сделал пару шагов, и тут из-за спины прогремел незнакомый радостный голос:

– А ну стоять, доходяги!

К ним шагал мутант-гигант локтей пяти ростом, одна рука у него была обычная, вторая огромная, хитиновая, свисала аж до земли, будто закованная в железо экзоскелета, какой Север видел на подземной базе. На башке – копна волос, похожая на воронье гнездо. Единственный огромный глаз посреди лба налился кровью и беспрестанно вращался и моргал.

– Мертвый Глаз, – пробормотал Жаба, роняя поклажу, с тоской посмотрел на свои пожитки и пролепетал: – Шоб его разорвало!

Все мутанты остановились, будто не Север был их верховодом, а этот пришлый мутант. Теперь стало видно, что за ним идет целая толпа и толкает пустые повозки.

– Эта тварь братишку моего убила, – прошептал Северу Йогоро. – В кабаке, за то, что его руку с бухлом задел. Раздавил голову, как гусеницу...

Север положил руку ему на плечо, обратив внимание, как тот задышал, как сжались его кулаки:

– Спокойно, Йо. Я разберусь...

Ближе всех к Мертвому Глазу был Сахарок. Незванный гость обхватил огромной лапищей его впалую грудную клетку, поднял, нормальной рукой снял с него рюкзак-костюм и отшвырнул Сахарка на камни – бедолага крякнул и замер, а потом пополз за ближайшую глыбу.

– Шо у нас здесь, – бормотал Мертвый Глаз, трясая костюм и не понимая, как его открыть.

Мутанты Севера застыли, не решаясь сдвинуться с места. Мертвый Глаз шагнул к Фургу, сунул ему под нос костюм, набитый добром.

– Открой, быстро.

Тот покорно принялся воевать с молнией.

– А ну не смей! – распорядился Север, положил свою ношу на землю и зашагал к Мертвому Глазу, мутанты за спиной своего верховода загудели, предвкушая зрелище.

Фург замешкался, что пришлый мутант расценил как неповиновение и огромной рукой, как кувалдой, почти без замаха ударил его в голову, с хрустом вмяв височную кость.

– Это мой рейд, – спокойно проговорил Север, шагая к Мертвому Глазу.

– Был твой, стал мой. Я ваш верховод, слизь. Исчезни, пока я добрый! Спрячься, пока не остыну!

– Слово твое против моего ничего не значит. Я, Север, вызываю тебя, Мертвый Глаз, в Круг!

– Ой-йо, – донесся сзади испуганный вздох Жабы. – Север, братишка, он же и тебя положит, а потом и всех нас...

Мертвый Глаз не ожидал такой наглости и, хмыкнув, нормальной рукой указал Северу за спину:

– Ящерица дело говорит. Ты кто такой? Север... – Огромный мутант закатил единственный глаз, пожевал губами, будто вспоминая. – Первый раз слышу, а значит, ты никто. Эй, братва! – обратился он к своим мутантам. – Слышали про Севера?

– Не! Не слышали, верховод, – донеслось отовсюду.
Север, оглядев кривые ухмылки чужаков, приблизился к Мертвому Глазу и улыбнулся:
– Так ты принимаешь мой вызов или в штаны наложил? Представляю, сколько из такой туши дерьма вываливается, того и гляди штаны порвутся!
Чужак лишь ощерился и обратился к мутантам Севера:
– Новички, этот дерзкий хрен был вашим верховодом?
– Да не, он непонятный ваще! – заорал Сахарок, выглядывая из-за глыбы. – Норм он, из Империи заслали!
– Север наш верховод! – выкрикнул Жаба и отбежал на всякий случай.
– Так и есть! – пробулькал Зэ, и его поддержали Скю и Йогоро: – Так и есть!
Мертвый Глаз кивнул, пожал плечами:
– Да? Ну ладно, сделаем тогда по чести.

Его мутанты бросили повозки, столпились на безопасном расстоянии, вытянули шеи. Гигант оскалится, демонстрируя кривые желтые зубы, сплюнул пол ноги Северу. Даже презрения не было на лице одноглазого – как если бы он шел по дороге, а путь ему преградило дерево. Не дерево даже – хворостина.

Лука представил, как его вызов смотрится со стороны: вот здоровяк пять с половиной локтей ростом с хитиновой рукой-кувалдой, бугрящимися мышцами, и поджарый мужчина с кожей, отливающей металлическим блеском, грязный, в драной набедренной повязке.

Смех да и только. Вот и противник вскинул руку, сжал чудовищный кулак, которым легко мог бы раздавить череп, и обрушил его на наглого выскочку, думая смять и расплющить.

Рассчитывая поиграть в кошки-мышки, он действовал неторопливо, чтобы наглец мог уклониться, но тот вскинул руку, принимая удар на локоть.

Зубы великана клацнули от отдачи, кулак будто бы ударил в сталь, а выскочка, вместо того чтобы упасть, сломаться от удара, вошел по колено в грунт, как забиваемый гвоздь.

Впервые столкнувшись с сопротивлением, которое невозможно сломить, одноглазый великан сперва удивился, потом заподозрил неладное... Жертва, помеха на его пути, подняла голову, и единственный глаз мутанта напоролся на холодный взгляд противника, острый, как лезвие клинка.

Короткий взмах второй руки... Мутанты ахнули, наблюдая, как Мертвый Глаз стоит все так же неподвижно, а Север, пригибаясь, молнией выскальзывает из-под его ручки-кувалды.

Пару секунд никто не понимал, что происходит, а потом на шее Мертвого Глаза появился красный тонкий след, налился кровью, и голова соскользнула на землю, несколько раз моргнула и разинула рот.

Колени тела подогнулись, и оно, толчками выплескивая кровь из обрубленной шеи, рухнуло в пыль. Смерть Мертвого Глаза, видимо, что-то изменила во вселенской гармонии в лучшую сторону. Выскочили логи:

Очки Тсоуи: +3. Текущий баланс: –9.

Тем временем подопечные мертвого верховода заозирались. Из рейда Севера первым радостно завопил Жаба:

– Север Железный, ура! – Чешуйчатый затанцевал, показывая чужакам неприличные жесты: – Отсосите, уроды! Крышка вашему верховоду! Наш-то покруче будет!

– Ура Железному Северу! – закричал Зэ, спрятавшийся за камень рядом с Сахарком, потирающим ушибленный бок.

– Север – наш верховод! – поддакнул Скю.

Только Йогоро не радовался, склонившийся над телом поверженного Фурга. Север метнулся к лохматому мутанту, чтобы исцелить его, но тот был мертв. Закрыв ему глаза, Север поднялся и повернулся к замершим мутантам Мертвого Глаза, попытался их пересчитать – как минимум двадцать – и проговорил:

– Есть желающие оспорить мое верховодство?

Запуганные деспотичным Мертвым Глазом, который теперь действительно был мертвым и соответствовал своему имени, они вытянули шеи, готовые ко всему. Самые трусливые попрятались за телеги.

Вперед выступил тщедушный лысый мутант в обносках, упал на колени, воздел непропорционально длинные руки.

– Ура Северу Железному, – робко проговорил он, и остальные тоже попадали на колени, скандируя сперва тихо, а потом все громче и громче:

– Северу Железному – ура! Северу Железному – ура!

Тот окинул взглядом зародыш своего будущего войска. Войска, с которым он пойдет на Империю и положит конец вражде между людьми и мутантами.

Пожелал – и метаморфизм усилил голосовые связки так, чтобы глас его звучал мощно и внушительно, чтобы каждого из новеньких до костей пробрало:

– Встаньте, сыны Пустошей! Мы с вами равны. Я принимаю вас в свой рейд на равных условиях. Больше никаких унижений и побоев!

– Ура Северу Железному! – крикнул длиннорукий мутант уже увереннее, и окрестности утонули в многоголосом реве.

Глава 7. Герой Рванины

Оставив команду, Север зашагал за Скую по оплавленным темно-серым камням, таким горячим, что резиновая подошва ботинок, снятых с Мертвого Глаза, задымилась, размякла. Лука решил, что передвигаться босиком удобнее, и отдал обувь перекошенному. Метаморфизм сразу же предложил увеличить сопротивляемость кожи высокой температуре и адаптировал стопы под новые реалии.

– Мы точно не заблудились? – спросил Север, останавливаясь перед оплавленными глыбами в человеческий рост.

– Зуб даю, – закивал перекошенный. – Ща будет разлом, мы его обойдем слева, а дальше – штука, про которую я говорил. Туда можно заныкать барахло...

Скую было горячо, и он пританцовывал на месте, с опаской поглядывая на верховода, шагающего босиком.

– Потом к своим вернемся, а там до Рванины рукой подать.

Как рассказали Северу, так мутанты называли небольшое поселение – этакий перевалочный пункт для рейдеров, где те могли отдохнуть и потратить добытое на женщин, сытный ужин и ночлег.

– Цены там скупщики ломают, конечно, – вздохнул Скую. – Но другие такие места в днях перехода, а это – ближайшее к Очагу. Ладно, сам увидишь, верховод.

Они уже почти выбрались из Очага Пустошей, где проклятие Двурогого было особенно сильным, и до Рванины рассчитывали добраться уже к концу дня.

А вот что такое «разлом», Север увидел, когда обогнул камни. И невольно отступил. Это было озеро локтей сорок в длину и ширину, заполненное пузырящейся лавой. То здесь, то там надувались и лопались пузыри, испуская запах тухлых яиц. Чуть дальше, за озером, что-то шипело, словно там свернулась гигантская змея.

Скую вытер пот и сказал:

– С этого края безопасно, а там...

В подтверждение его слов из недр земли со свистом вырвался поток газа и вспыхнул, превратившись в факел невидимого факира, Скую аж подпрыгнул от неожиданности.

– Идем, верховод, а то расплавимся!

За озером виднелась ровная площадка, где земля и камни были покрыты застывшей стеклянистой коркой. Уровень радиации зашкаливал – метаморфизм снова вывел цифры логов, предложив немедленно покинуть небезопасную территорию.

Место, о котором говорил Скую, находилось между двумя глыбами... Издали оно напоминало пещеру. Но когда Север подошел ближе и заглянул внутрь, понял, что это тоже штукавина, пережившая древнюю войну и частично сохранившаяся до наших дней. «Наверное, ровесница той базы», – подумал Лука, глядя на оплавленный металл. Удивительно, но за столько столетий он лишь проржавел, а вот все остальное рассыпалось в труху, и теперь останки напоминали панцирь издохшего насекомого, закопанного в землю.

– Здесь проклятье Двурогого жжёт даже нас, – прохрипел Скую. – Никто сюда не попрется.

Север пролез в пещеру и закопал там серебристый костюм, набитый плазмоганами. Известно, как их использовать и пригодятся ли они вообще, но тащить это добро с собой в Убежище точно не стоило.

Закончив, они вместе со Скую побежали к рейду, где в их отсутствие за главного был оставлен Йогоро.

Когда Север выскочил из-за валунов, народ прятался в тени. Причем мутанты Мертвого Глаза были так измождены, что у некоторых не хватало сил даже на то, чтобы стоять. Опыт Эск'Онегута подсказывал, что солдат (а Лука рассматривал мутантов как своих будущих вои-

нов) не должен терпеть лишения и унижения. Половина успеха будущей войны – заинтересованность рядовых в победе и доверие командиру.

Мертвый Глаз был плохим верховодом, он не жалел людей.

Увидев Севера, мутанты повскакивали и вытянулись в ожидании распоряжений. Верховод хлопнул в ладоши, привлекая внимание, и усиленным голосом пророкотал:

– Сыны Пустошей! – Громкие слова нашлись сами, помог опыт императорства, а у мутантов от такого пафоса глаза полезли на лоб. Заметив это, Север перешел на язык попроще: – Короче, план такой. Идем в Рванину, отъедаемся, высыпаемся. Суток, думаю, хватит, чтобы набраться сил, а дальше – в Убежище.

Лука понимал, что нужно найти золотую середину: мутанты, привыкшие к языку силы, садут на голову, если дать слабинку, но и гнობить их тоже не стоило.

Обостренный слух позволил ему услышать слова одного из новых подчиненных, сказанные Жабе:

– Слышь, кажись, ваш верховод-то нормальный мужик?

– Зверь, вообще-то! – сделав бешеные глаза, ответил чешуйчатый. Не иначе, решил поддержать авторитет лидера. – Только пискни не по его, башку оторвет и нюхачу скормит!

Глядя на тех, кто ему доверился и подчинился, Лука подумал – мало того, что они рано гибнут из-за проклятия Двурогого и агрессивной фауны Пустошей, так еще и самые сильные убивают друг друга пачками в борьбе за лидерство. Нужно будет что-то с этим делать, ведь не золото самое ценное, не природные недра, а люди.

Север, как и полагалось верховоду, возглавил процессию и по дороге с интересом изучал враждебный ландшафт. Самым важным было не нарваться на засаду пожирателей или еще каких монстров, но и без того им встречалось много любопытного. «Как в кошмаре», – подумал Лука. Окажись он здесь еще год назад, сразу умер бы от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.